

Е. ЛУКИН
**ЗОНА
СПРАВЕДЛИВОСТИ**

ВЕЧЕ

Евгений Лукин
Зона Справедливости

«ВЕЧЕ»

1998

Лукин Е. Ю.

Зона Справедливости / Е. Ю. Лукин — «ВЕЧЕ», 1998

ISBN 978-5-4484-7114-8

В тёмной подворотне творятся тёмные дела: погибают люди, терпят аварию автомобили, незримая рука может надавать пощёчин запоздалому прохожему. Загадочное место, а самое странное в нём то, что это не просто подворотня, а таинственная Зона справедливости.

ISBN 978-5-4484-7114-8

© Лукин Е. Ю., 1998

© ВЕЧЕ, 1998

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Евгений Лукин

Зона Справедливости

*Сергею Сиякину,
консультанту и участнику
описываемых событий*

Глава 1

«Зарежут меня когда-нибудь в этой арке», – уныло подумал Алексей Колодников и, поскользнувшись, свернул в неосвещённый переулок, в дальнем конце которого, отражаясь в остекленном асфальте перекрёстка, вздувался и опал желток светофора.

Прелесть ситуации, однако, заключалась в том, что куда ни сворачивай, а переулочка и арки не миновать. Арка эта и впрямь пользовалась дурной славой. В феврале, например, там нашли замёрзшего насмерть алкаша, причём, судя по количеству сломанных рёбер и свежераздробленной переносице, его перед тем, как бросить, топтали долго и с чувством. А несколькими месяцами раньше в аккурат на том же самом месте застрелился офицер внутренних войск. То ли застрелился, то ли застрелили – опять-таки дело тёмное. Да о чём говорить, если буквально на днях досталось не кому-нибудь, а супруге самого Колодникова! А не возвращайся домой в первом часу ночи! У Иришки она была... Да хоть бы и у Иришки!

Тоже странная история, если вдуматься: не ограбили, не изнасиловали – просто надавали пощёчин и подзатыльников. Несильно, но со звоном.

Вытрясти из жены что-либо членораздельное Колодникову не удалось. Нападающих она в темноте не разглядела. Упав на кровать, колотилась в истерике, била ногами и рыдала, что проломлен затылок. Алексей даже поверил ей на секунду. Однако, когда ему позволено было ощупать череп дражайшей супруги (боже, какой вопль она при этом испустила!), выяснилось, что всё это, конечно, бред собачий. Затылок был цел и невредим. Зато на левой щеке красовались три параллельные царапины – словно маникюром полоснули. Вот это уже кое-что объясняло. Если жену отлупили именно дамы, а не господа (ну и времечко настало!), то понятно, что ни о каком изнасиловании речи идти не могло. Хотя, с другой стороны, ограбить-то ведь тоже не ограбили...

Потом в начале второго появился огромный хмурый Димка. Услышав о нападении, заматерился, сунул руку под мышку, где у него располагалась наплечная кобура газового пистолета, и рванулся к дверям. Где бегал – неведомо, но вернулся сильно раздосадованный.

– Мужик, называется... – процедил он, не глядя на отца. – Жалко, меня дома не было... Я бы им точно глаз на пятку натянул!..

Известно, что правда уязвляет куда больше клеветы. Будучи крупным мужчиной нормального телосложения, Алексей Колодников тем не менее бойцовскими качествами никогда особо не отличался и к дракам питал отвращение сызмальства. Если и участвовал в них по юности лет, то исключительно в качестве жертвы.

– Ты поговори! Поговори ещё так с отцом!.. – закричал он вне себя.

Шкафоподобный сынуля одарил родителя отвратительной мрачной ухмылкой:

– Типа крутой, что ли?..

И вот теперь Колодников шёл тесным, слезливо-льдыстым переулком в сторону арки, и жизнь ему была не дорога. «Под ногами скользь и хруст... – горестно бормотал он. – Ветер дунул, снег пошёл...»

Известные строки неисправимого нытика Ходасевича как нельзя лучше соответствовали и погоде, и настроению. Ветра со снегом, правда, не наблюдалось, зато скользи и хруста под ногами хватало с избытком. Март он и есть март...

Фонари, как водится, не горели, так что приходилось довольствоваться скудным светом из квартир второго и третьего этажей. В окнах первого стояла глухая плотная чернота. И ведь не только сегодня – каждую ночь так. Постоянно возвращаясь с новой своей работы в двенадцатом часу, Колодников давно уже заметил, что дом отходит ко сну как бы пластами – снизу вверх: первый этаж, потом частично второй, третий... и так до шестого.

Ну вот и прибыл... Оглушительно хрустнув остекленевшей снежной слякотью, Колодников сместился к обочине – подальше от арки – и совершил затем два дурацких поступка подряд. Во-первых, достал ключи от квартиры, отчётливо ими звякнув. Во-вторых, затеплил электрический брелок, поднесённый ему советом директоров в недавний день рождения. Окружающую действительность хитрая безделица прояснила слабо: если и вынула что-либо из общего мрака, то одну только руку да встревоженное очкастое лицо самого Алексея. Таись в гулком туннельчике злоумышленники – работу бы им Колодников этими двумя поступками сильно облегчил.

К счастью, никаких зловещих фигур в сквозной каменной норе вроде бы не обнаружилось. Да оно и понятно! Разве что последний идиот станет поджидать одинокого прохожего в такую холодрыгу. Алексей хотел было уже облегчённо вздохнуть, но спохватился и решил похоронного своего настроения не портить.

«Ишь, заробел... – с омерзением подумал он. – Главное, было бы что терять!»

С угрюмой усмешкой он сунул ключи с брелоком в карман куртки и ступил под полукруглый серый свод, где на него тут же обрушился первый удар...

Собственно, обрушился – громко сказано. Да и ударом-то это, в общем, назвать было трудно. Чья-то слабая – вроде бы даже детская – ладошка шлёпнула с маху по левому глазу, выбив из него сноп бенгальских искр, а затем сзади на беззащитную голову ослеплённого Алексея (тонкая вязаная шапочка – не защита) просыпался град хлётких затрещин. Именно град, другого слова не подберёшь. Одновременно Колодникова с силой двинули локтями в рёбра и несколько раз преобильно отянули чем-то вдоль спины.

И вот ведь она, забывчивость-то людская! Мигом выяснилось, что жизнь Алексею Колодникову всё-таки дорога. Отмахиваться он, правда, не стал, зато прикрыл голову руками и с отчаянным воплем: «Помогите!..» – ринулся во двор.

Вопль, конечно, наивный, да и манёвр не умнее. Ясно было, что жертве тут же дадут подсечку, положат на грязный слякотный асфальт и займутся крикуном всерьёз. Поэтому, беспрепятственно вылетев из арки, Колодников ошалел до такой степени, что ещё и оглянулся, безумец, еле удержав равновесие на влажной ледяной корочке. А ведь только что, пару секунд назад, вёл себя, как подобает нормальному человеку: бьют – беги.

Судьба, однако, продолжала беречь Алексея: в арке внезапно посветлело. По переулку, неуверенно виляя среди глубоких трудноразличимых под рыхлым ледком вдавлен, ехала заплутавшая в ночи легковушка. Чётко сознавая, что теряет драгоценные секунды, Алексей нацепил очки, сдёрнутые им с переносицы ещё в самом начале избиения.

Свет фар лениво ополоснул пустое влажное нутро туннельчика. Подпрыгнули на ледяном наплыве алые огоньки, обдав напоследок своды тусклым багрянцем, отчего арка сразу приняла вид отверстого зева адской печи с плохо залитыми углями.

Бурно дыша, Алексей взялся за пылающий затылок. Невероятно, но, кажется, обошлось...

Должно быть, злоумышленники углядели машину, когда та ещё только выворачивалась из-за угла, почему и поспешили сгинуть от греха подальше. Удаляющегося хрусткого топота

Алексей так, правда, и не услышал, хотя ничего удивительного: от собственного вопля у него до сих пор звенело в ушах.

Вспомнив об этом постыдном, мещанском «Помогите!», пострадавший замычал от унижения. И вообще – отвык он от физических расправ. Последний раз Алексея Колодникова, помнится, били не то в восьмом классе, не то в девятом... Да, но с тех пор – ни разу. До сорока пяти лет везло...

Почувствовав дрожь в ногах, он отступил к сваренной из труб стойке для выколачивания ковров, где и присел на низкую решётчатую полку. Гулкий безлюдный двор, как и следовало ожидать, мольбу о помощи сглотнул равнодушно. Лампа над крылечком ближнего подъезда тлела трепетным сиреневым сгустком, в самой же арке снова стояла тьма кромешная.

«Ну что за сволочи!..» – мысленно простонал Алексей, имея в виду не столько хулиганов, сколько виновников этой тьмы. Есть же там, есть патрон в жестяной тарелке – под самым сводом! Неужели трудно было вовремя поставить стремянку и ввинтить в арке новую лампочку?.. Хотя – бьют. Разбивают, мерзавцы, одну за одной...

Тут ему почудилось вдруг, что в тёмном окне нижнего этажа возник и шевельнулся смутный блик. Колодников всмотрелся – и вздрогнул. К чёрному влажному стеклу припало изнутри мучнистое старушечье лицо, тут же, впрочем, отпрянувшее. То есть завтра о случившемся станет известно всему двору. У, вор-роны!.. Старух Колодников ненавидел с детства.

Собственно, можно было уже отрывать поротую задницу от трубчатого холодного железа и, дожёвывая обиду, плестись к родному, провались он совсем, очагу. Однако теперь, зная, что старая карга из первой квартиры наверняка за ним подглядывает, Алексей просто не имел права так поступить. Поэтому он продолжал сидеть и мёрзнуть, грозно хмурясь в скопившуюся под сводами туннельчика сырую темноту. Пусть видит... Кроме того, Колодников ещё не решил, как он обо всём об этом сообщит жене и сыну. И вообще – стоит ли сообщать? Александра в простодушии своём возликует («А-а?.. Тоже досталось? Вот так-то! Чужой беде не смейся, голубок...»), а Димка... Снова кинется к двери, хватаясь за кобуру, или же злорадно заржёт? Да заржёт, конечно... Чего ещё от него ждать?..

А ведь это одна банда работает! Уж больно почерк похожий... Поражённый внезапной догадкой, Алексей выпрямился. Сначала жену подкараулили, теперь вот – мужа... Заказное избиение? Да нет, ерунда!.. (Алексей расслабился.) Во-первых, по заказу работают на совесть, никакой проезжающей мимо легковушкой их не смутишь, а во-вторых, кому бы это могло прийти в голову – тратить деньги на семейство Колодниковых? Может, спутали с кем-нибудь? Услышали голос, поняли, что бьют не того... Но тогда выходит, что и жену с кем-то спутали... Бред какой-то!

Переулочек в арке опять возник из темноты. Стеклито сверкнули края выбоины, колыхнулась зыбкая марля света. Ещё одна машина. Надо же! Полпервого ночи, а движение – как на проспекте. Алексей, отогрев дыханием озябшие руки, сунул их под мышки и вновь оцепенел в оторопелом раздумье.

«Попытка ограбления?» – неуверенно предположил он и, запоздало взявшись за левый карман куртки, убедился, что бумажник на месте...

Нет, воля ваша, а присутствовала в его ночном приключении некая неправильность, даже, если хотите, нелепость. Откуда они, например, взялись вообще? В арке их Алексей не углядел, в переулочке – тоже... Крались по пятам от самого угла? Тогда бы он услышал шаги... Гулкий переулочек, подмёрзшая хрупкая слякоть...

Кстати, сколько их было? Затрещины, помнится, летели то сзади, то справа, да и не смог бы один человек так часто замахиваться... Прямо пулемётная очередь какая-то...

В арке тем временем становилось всё светлее и светлее, автомобильный двигатель ворчал где-то уже совсем рядом, слышно было, как под угодившим в рытвину колесом всхлипнула

снежная хлябь. Свет фар широко плеснул по левой стенке туннельчика. Кажется, собирались заезжать во двор.

Так и есть. Алексея окатило светом с головы до ног, и он поспешил принять по возможности независимый, даже несколько недовольный вид. Сижку, дескать, дышу ночным воздухом, а ты тут фарами своими слепишь...

Впрочем, вскоре стойка для выколачивания ковров вместе с присевшим на решётчатый приступочек Колодниковым снова уехала во мрак – машина вписывалась в поворот. В следующий миг раздался омерзительный, вздымающий волосы скрежет – левое крыло задело угол арки. Затем на глазах Алексея автомобиль (старая «Волга») неспешно очертил по двору широкий полукруг и с хрустом упёрся правой фарой в крыльцо второго подъезда.

Алексей вскочил, выдохнув клуб пара.

– Да что ж ты делаешь, алкаш?! – заорал он, стискивая кулаки. – Жить надоело?..

Ответом была тишина. Дверца так и не хлопнула. А двигатель «Волги», надо полагать, заглох в момент удара.

«Хотя, может, и не пьяный... – перетрусив, подумал Алексей. – Может, просто сердце прихватило... Всякое ведь бывает... Чёрт меня дёрнул здесь остаться! Получил по морде – иди домой. Нет, расселся, понимаешь! Теперь, наверное, «скорую» вызывать придётся...»

С такими вот не слишком возвышенными мыслями Алексей Колодников, то и дело поскользываясь, приблизился к месту происшествия. Уцелевшая фара яростно лупила светом в серую стену чуть пониже окна. Можно себе представить, какой переполох поднимется сейчас во внезапно озарившейся квартире. Видно было, как кто-то уже отдёргивает штору и, гримасничая, припадает к стеклу.

Стараясь держаться поувереннее (а то ещё заподозрят, не дай бог, что он имеет какое-нибудь отношение к этой аварии), Алексей чуть нагнулся и заглянул в неосвещённую кабину:

– Послушайте... э... Вы там как?.. Живы?..

Секунду внутри было тихо, а потом Колодников услышал слабый, исполненный боли стон...

* * *

– Вы – свидетель?

– Я, – тихо ответил осунувшийся от переживаний Алексей, глядя, как, пульсируя синими лампами, отъезжает «скорая». Молочный микроавтобус медленно развернулся по двору и канул в арку. Серая «Волга» по-прежнему стояла, упёршись в крыльцо подъезда, только уцелевшая фара была теперь выключена. Окна нижнего этажа – сияли. Полотно смутного света падало как раз на притулившиеся у бровки старенькие голубые «жигули» с жёлтой полосой и надписью «Госавтоинспекция».

– Тогда давай в машину... Да нет, не туда!.. В нашу машину. На заднее сиденье...

Несколько озадаченный бесцеремонностью приказа, Алексей протиснулся в указанную дверцу. Капитан милиции, суровый крепыш лет тридцати пяти, включил свет в кабине и, устроившись на том же сиденье справа, потёр покрасневшие руки.

– Дверцу захлопни, – недовольно сказал он Колодникову.

Тот поспешно выполнил приказ, после чего в машине вроде бы стало ещё холоднее. Капитан тем временем положил на колени тощую папку, достал шариковую ручку. Записал фамилию, адрес, место работы.

– Когда это случилось? – хмуро осведомился он.

– Где-то... полчаса назад... Или минут сорок...

– А поточней не можете?

– Не могу, – виновато сказал Алексей. – Часов нет...

По слякотному асфальтовому дну арки гуляли желтоватые тусклые блики карманных фонариков. Слышно было, как выбравшаяся на проспект «скорая» включила сирену. Видимо, есть вероятность, что до больницы живым не довезут. Алексей вспомнил, как санитары извлекали из кабины этого бедолагу – и снова ощутил дурноту.

– Так... – Капитан строчил, не поднимая головы. Такое впечатление, будто он заранее знал, что скажет свидетель, и записывал показания впрок. – Где находились в момент происшествия?

– В-вон там... – Алексей беспомощно извернулся, пытаясь указать на сваренную из труб стойку. – Сидел как раз напротив арки. Метрах в десяти...

– А чего так поздно?

– Видите ли... – сказал Алексей. – На работе у нас всего один компьютер, ну и приходится пользоваться его как бы в две смены. Прихожу к четырём, а ухожу в одиннадцать, в двенадцатом... Сегодня вот задержался...

– Выпил? – равнодушно спросил капитан.

Колодников сначала не понял, потом – оскорбился:

– С чего вы так решили?

– Первый час ночи, – напомнил капитан, по-прежнему головы не поднимая. – Погода – сами видите, какая... Тут бы скорей-скорей домой попасть, а вы вдруг отдохнуть присели – перед самым подъездом...

Алексей закричал.

– Да не торопился я домой, – выговорил он в тоске. – Ну, как бы это вам объяснить? Семейные неурядицы, словом... Был расстроен...

– Ну и вмазал... – подсказал капитан.

– Хотите – дыхну?... – несколько даже угрожающе предложил Колодников.

– Нет, не надо. Рассказывайте, как было дело...

Тем временем фонарики, гулявшие в арке, погасли, и вскоре из темноты вышел некто в милицмейской форме.

– Нет там никакого тормозного следа, – буркнул он, приоткрыв дверцу. – Ни хрена там ничего нету...

– Погоди, – сурово сказал ему капитан. – Рассказывай, Алексей Петрович... рассказывайте...

Алексей взял себя в руки и, проникшись серьёзностью момента, принялся старательно излагать всё, что видел, начиная с того, как «Волга» свернула во двор. К удивлению своему, иссяк он довольно быстро. Странно... Казалось бы, столько пережил, а рассказать, по сути, нечего.

Он вспомнил окровавленную мотающуюся голову, влажное чёрное пятно на белом халате – и содрогнулся вновь.

– Значит, машина не останавливалась и никто из неё на ходу не выскакивал? – с сомнением, как почудилось Колодникову, произнёс капитан.

Алексей очнулся. Жуткое видение сгинуло.

– Нет... Нет-нет! Я бы заметил...

– Вы раньше встречались с потерпевшим?

– Ни разу...

– Живёте в одном дворе – и ни разу не встретились?

– Я недавно сюда перебрался, – объяснил Алексей.

Капитан сморщился и почесал бровь.

– Ладно, – процедил он. – Прочти и распишись. Здесь и вот здесь...

Алексей принял листок, поправил очки и, поднеся бумагу поближе к желтоватому неяркому плафону, изучил её с должным вниманием. Стилль показался ему нарочито официальным

и, честно сказать, несколько дубоватым... Да ладно уж! Не до стилия... «С моих слов записано верно и мною прочитано», – вывел Колодников под диктовку капитана неловкими от холода пальцами и, дважды расчеркнувшись, вернул документ.

– Да, вот ещё какое дело... – выдавил он, зябко передёрнув плечами и заранее чувствуя, что зря заводит об этом речь. – Я, право, не знаю, имеет ли это отношение... Ну, словом... На меня тоже напали в этой арке.

Капитан (он только что спрятал объяснение в папку) медленно повернулся к свидетелю. Впервые, кстати...

– Когда?

– Да только что... Буквально за несколько минут до того, как он во двор въехал... Я ведь ещё потому и присел... в себя прийти...

– Побоев в области лица не видно... – заметил капитан, недоверчиво разглядывая смущённую физиономию свидетеля.

– Меня по затылку били... – зардевшись, признался тот.

Капитан матерно пошевелил губами.

– А раньше-то что ж молчал? – бросил он в сердцах. – Заявление писать будешь?

– Буду, – удивив самого себя внезапной решимостью, сказал Алексей. А чего он ему тыкает всё время? Мальчика нашёл!

Капитан снова почесал бровь.

– Тогда поехали, – сказал он устало и разочарованно. – С этим в райотдел надо...

Глава 2

Огромный серый дом, возведённый перед самой войной, стоял особняком, отсечённый от прочих строений тремя улочками и проспектом, привлекая внимание приезжих своей несколько тюремной архитектурой – сам себе квартал. В какой-то мере это было даже символично, поскольку здание предназначалось когда-то для сотрудников НКВД и их семей. В обширный внутренний двор можно было попасть через одну из четырёх арок, но далеко не всем, ибо вход в каждую в те исторические времена перекрывался не только железным кружевом ворот, но и бдительным стражем с красным околышем на фуражке. Потом, естественно, всех тогдашних жильцов вместе с их родными и близкими благополучно репрессировали, а в освободившиеся квартиры въехал довольно-таки случайный люд, подчас не имевший никакого отношения к нашим славным органам.

Порядку во дворе, понятно, поубавилось, красные околыши на входе-выходе исчезли бесследно, а лет этак пятнадцать назад железные ворота в трёх арках почему-то заварили наглухо, зато в четвёртой сняли вообще. То есть единственный путь во двор пролегал теперь по переулку – местечку неприветливому, а в тёмное время суток и вовсе жутковатому.

Жильцы вроде Алексея Колодникова, вынужденные возвращаться со службы довольно поздно, то и дело поднимали вой, требуя раскрыть ещё одну арку: в первую, конечно, очередь, ту, что выводит на проспект. Но каждый раз обязательно что-нибудь да мешало, причём в самый последний момент: то машина сломается, то сварщик приболеет, то авария какая в городе... А казалось бы, делов-то – ворота разварить! Тем более что в огромном сером здании сплошь и рядом обитали весьма и весьма влиятельные лица, люди со связями. Ибо, несмотря на запущенное состояние, дом продолжал считаться элитным: высокие потолки, просторные квартиры, подсобки...

Сам Алексей о таких хоромах никогда даже и мечтать не смел. На освобождающуюся сталинскую двухкомнатку точили зубы многие, в их числе – председатель областного общества книголюбов. Но тут как раз грянули перемены, обком приказал долго жить – и пошла охота за обнаглевшими аппаратчиками с избыточным метражом жилой площади. В общество явились с проверкой, и перетрусивший председатель сам вычеркнул себя из списка на жильё, где он, естественно, занимал первую строчку. А на второй (и последней) строчке того же списка болтался без особых надежд некий Алексей Колодников. Так, первый раз на его памяти, добро одержало решительную победу над злом, хотя и тут не обошлось без потерь. Отойдя слегка от испуга, председатель немедленно заподозрил, что проверка к ним нагрянула по сигналу Алексея, и сотрудник Колодников спустя малое время попал под сокращение.

Но квартиру он всё-таки отхватил – и какую! Чуть ли не в самом центре, полногабаритную, потолки – в прыжке веником не достанешь!

Вот если бы ещё только не арка...

* * *

И кто его, спрашивается, за язык тянул? Пришлось теперь подниматься с утра пораньше и переться с направлением в судмедэкспертизу. Суд... мед... Уродуют язык, как хотят!

Заехав чёт знает куда на трамвае, Колодников первым делом вдрызг промочил ноги, поскольку денёк выдался солнечный, окраина тонула в грязноватом ртутно-серебряном месиве. Затем он был неприятно поражён тем, что судмедэкспертиза, как выяснилось, обитает под одной крышей с моргом. Понятно, дух в здании стоял тяжёлый. В коридоре Алексея замутило, и он, естественно, толкнул не ту дверь. За дверью обнаружился обширный пустой

зал, уставленный алюминиевыми столами. На ближайшем, безмятежно сложив на груди пухлые желтоватые руки, лежал пожилой покойник, полностью подготовленный для выдачи родным. Алексей сглотнул и поспешно ретировался в коридор, где столкнулся с неизвестно откуда взявшимся молодым человеком в просторной рубаше из зелёной фланели и таких же штанах.

– Извините... – стараясь дышать ртом, обратился к нему Колодников. – А эксперты где сидят?

Фланелевый служитель молча ткнул пальцем куда-то в глубь коридора...

Эксперт Алексею решительно не понравился. У него было морщинистое лицо горького пьяницы, а веру в человечество он, судя по всему, утратил уже давно. Он даже не скрывал, что считает Колодникова симулянтом, а горестную его историю – враньём, причём неумелым. Хотя следует признать, что основания у него к тому были. Побоев в области лица, как изволил выразиться вчера капитан милиции, и впрямь обнаружить не удалось. Как, впрочем, и в области затылка. Пришлось Колодникову упомянуть и о толчках локтями в рёбра, и о бичевании спины, после чего эксперт велел ему разоблачиться. На рёбрах синяков также не оказалось, а вот пониже талии удалось высмотреть небольшую красноватую припухлость, очертаниями и размерами наводившую на мысль о пряжке брючного ремня.

– Вас что, по голой... по голому телу пороли? – сердито спросил эксперт. – Штаны, что ли, с вас снимали в этой арке?

Колодников смертельно обиделся и несколько визгливым от сдерживаемого бешенства голосом объяснил, что брюки на нём во время избиения – были. И куртка была. Вот эта самая куртка... И никто с него ничего не снимал!..

Кое-как выбравшись на свежий воздух, он проклял себя за вчерашнюю болтливость и поспешил убраться подальше от угрюмого здания. Потом ещё пришлось чёрт знает сколько торчать на остановке. Когда же он принялся в нетерпении расхаживать туда-сюда, его угораздило вдобавок ступить в канаву, прикрытую рыхлым снежком и полную ледяной воды, после чего Алексей озверел окончательно. Ну и райончик! Нет, в центре хотя бы снег иногда сгребают...

* * *

Днём арка выглядела вполне безопасно, но мерзко. Хуже, чем ночью. Серые влажные своды с непристойными надписями на двух языках (вот она, польза-то образования!), ветвистые трещины в старой штукатурке... Колодников постоял, злобно озираясь, и прошёл во двор.

Во дворе тоже ничего глаз не радовало. Серая «Волга» с промятой фарой стояла в общем ряду легковых машин неподалёку от мусорных ящиков. Асфальт возле крылечка, в которое она вписалась ночью, был полностью освобождён от плотной снежной корки и, кажется, даже выметен.

На лавочке перед третьим подъездом сидели рядком и грелись на мартовском солнышке неподвижные старухи в шубейках. Поджав губы, они с неодобрением смотрели на приближающегося Алексея. Как всегда, он прошёл мимо них, не поздоровавшись. Был обидчив. Хватит! Поприветствовал однажды – так они даже и головы не повернули.

Колодников взбежал на крыльцо, взялся за ледяную ручку входной двери.

– Шашливец... – шаркнуло тихонько за спиной, как по наждаку, и Алексей обернулся, оторопев.

Старухи по-прежнему смотрели на него, храня неприязненное молчание. Губы у всех поджаты совершенно одинаково – так что поди пойми, кто из них подал голос.

Послышаться, вроде, не могло... Немигающие совиные глаза старых гарпий почему-то смутили Алексея настолько, что он поспешил отвести взгляд и нырнул в тёмный тамбур подъезда, где принялся нервно тыкать в кнопки кодового замка. Прошамканное с тяжёлой завистью

слово явно не было обрывком предыдущего разговора и, как ему показалось, имело прямое отношение к событиям нынешней ночи. Вспомнилась кстати смутная личина, выплывшая, как медуза из глубины аквариума, к чёрному оконному стеклу. «Щашливчик...» В чём же это он «щашливчик»? В том, что мало досталось? Меньше, чем хозяину серой «Волги»?

Где только ни жил Алексей Колодников, но ни в одном дворе не встречал он столь древних старух – и в таком избытке. Прямо заповедник какой-то! Память огненных лет... А почему бы и нет, кстати? Вполне возможно, вдовы тех самых чекистов, шлёпнутых ещё достолавным Лаврентием Павловичем...

Нет, но почему «щашливчик»-то? Да ещё, главное, с такой ненавистью... В искреннем недоумении Алексей поднялся к себе на второй и отпер дверь.

С порога его никто не приветствовал. В кухне трещало масло на сковородке. Не раздеваясь, Колодников заглянул для начала в большую комнату и нашёл её вызывающе неприбранной. Широкое супружеское ложе было разворочено, как от прямого попадания снаряда. Сама Александра Дмитриевна ещё изволила почивать. На смятой подушке лежала текстом вниз раскрытая сиреневая книжица в мягкой обложке. Блеснуло вытисненное золотом название – «Мёртвых не судят».

«Повешусь, – с привычным тупым отчаянием подумал Алексей. – Сил моих больше нет...»

На журнальном столике под торшером разлеглись две пухлые стопки бумаги, причём отдельные листы были умышленно из них выдвинуты на треть. Подошёл, посмотрел. Та-ак... Частное издательство, на которое сейчас работала Александра, надо полагать, скурвилось окончательно. Испещрённый корректорской кабалистикой серый прямоугольник текста был в трёх местах прорублен махонькими иллюстрациями, на которых схематично нарисованные человечки делали друг с другом что-то весьма интимное. Поначалу Алексей наивно решил, что на картинках изображены различные способы возвращения к жизни выловленных из воды утопающих. Так вот, ни черта подобного! Кого сейчас колышет спасение на водах? Тонешь – тони! Человечки на картинках, понятно, занимались любовью.

«Необходимо помнить, что у женщин, в отличие от мужчин, половые органы как бы разбросаны по всему телу», – изумившись, прочёл Колодников первую фразу. Эк его! Не иначе кто-нибудь из местных врачей разродился пособием для молодых супругов.

Вернувшись в прихожую, он скинул туфли, определил куртку в шкаф и двинулся прямоком на кухню. У плиты возвышался голый до пояса Димка и, жутко пошевеливая пластами спинных мышц, жарил себе глазунью.

– До двух часов ночи всякую дурь читает, спать не даёт, – наябедничал в сердцах Алексей, непонятно что имея в виду: то ли детектив, то ли корректуру. – А теперь вот дрыхнет полдня...

– Твои проблемы... – проскрипел Димка, не оборачиваясь.

Колодников ждал, что сынуля хотя бы спросит о причинах его утреннего отсутствия, но, надо полагать, никому это было не интересно.

– К судмедэксперту ходил, – сухо сообщил он тогда.

– Чего это ты?

– Да подрался вчера в арке...

Димка отставил сковороду на незажжённую конфорку и, обернувшись, уставился на отца.

– Ты-и?..

– Да напало хулиганье какое-то... – объяснил тот, открывая холодильник и сосредоточенно оглядывая скудное его содержимое. – Отбиваться пришлось... А эксперт – скотина! Синяки ему, видишь ли, подавай... Что ж мне, морду им надо было нарочно подставлять?

– А ну-ка покажись... – всё ещё недоверчиво попросил Димка.

Алексей захлопнул дверцу холодильника и предъявил неповреждённую физиономию.

– Да нету там, нету ничего! – бросил он с досадой.

– А как это ты?

– Уметь надо...

Димка моргал и хмурился. Ну ни фига себе! Оказывается, родитель-то его лишь представлялся лохом, а сам – гляди что творит!

– У меня вот тоже вчера ночью... – приревновав, видать, к отцовской славе, сердито сказал он. – Сидим с Серым, никого не трогаем... Ларёк закрыли, ставень – на болт, взяли бутылку сухого – сидим базарим... Потом слышим: кто-то ломом по дверце скребёт... Серый спрашивает: «Кто?» Сам-то здоровый (в одном зале качаемся), а голосок – как у девчонки... А тот снаружи басом: «Сейчас увидишь!..» И лом уже просовывает... Ну мы вдвоём за кончик ухватились – ка-ак дёрнем...

– И выхватили? – с интересом спросил Алексей.

– А то нет! Выскакиваем – пусто... – Димка вспомнил про яичницу и вновь водрузил сковороду на огонь. – А чего ты к эксперту ходил? Вырубил, что ли, кого?

Пришлось рассказать обо всём по порядку. Димка озадаченно хмыкал.

– Это Костик из второго подъезда, – сообщил он наконец сквозь зубы. – В своё крыльцо и вкололся... Живой хоть?

– Ну если на «скорой» увезли! Да ещё с сиреной...

– Да с сиреной они и за водкой ездят... – резонно заметил Димка, открывая посудный шкафчик. – Сам виноват. Не фиг было калымить по ночам...

Потряс сковородой – и глазунья послушно соскользнула в тарелку. А вот у Алексея так никогда не получалось – масла, что ли, мало наливал?..

Колодников снова открыл холодильник и нахмурился. За яйцами надо сходить... И кубиков прикупить бульонных... Можно было, короче, и не разоблачаться.

– Ч-чёрт... Зря я капитану про эту драку сболтнул... – в бессчётный раз подвёл он итог и, вздохнув, прикрыл дверцу.

– А то нет, что ли? – уже с набитым ртом согласился Димка. – С ментовкой вообще лучше не вязаться...

* * *

Выйдя на крыльцо подъезда, Алексей был приятно удивлен отсутствием старух. Правда, вместо них на лавочке утвердился теперь электрик Борька, живущий этажом выше Колодниковых. Был он, по обыкновению, на взводе и, судя по всему, ещё с утра. Обветренная небритая морда шла багрово-синими пятнами.

– Здорово, сосед! – приветствовал он Алексея. – Сядь посиди...

Следует заметить, что Алексей Колодников особо дружеских отношений ни с кем из жильцов не поддерживал, поскольку с людьми сходилась трудно и в разговоре предпочитал соблюдать дистанцию. Однако с электриком такой бы номер не прошёл. Уклониться от напористого, не в меру общительного Борьки не удавалось ещё никому. Стихийное бедствие, а не человек...

– Я в магазин... – сказал Алексей.

– Да на минутку! – взревел Борька, умоляюще выкатывая подёрнутые красными прожилками глаза.

Пришлось присесть.

– Ну? – спросил Алексей.

Борька опасно оглянулся.

– Слышь... – просипел он, подаваясь к Колодникову и дохнув таким перегаром, что тому невольно припомнились его утренние блуждания по моргу. – Правду, что ли, врут? Будто ты это... тоже вчера не уберёгся?..

– Кто сказал? – неприятным голосом осведомился Алексей. – Бабки, небось?

– Ох, не любишь ты их! – широко ухмыльнувшись, то ли упрекнул, то ли одобрил хмельной электрик. – Я, брат, зна-аю, от меня ничего не скроешь... Вот о ком хочешь спроси – из жильцов! Бывает, человек ещё сам о себе чего-то там не знает, а я уже знаю... Насквозь вижу, понял?..

– Я в магазин иду! – проникновенно сказал ему Алексей и даже предъявил пластиковый пакет.

– Да ладно тебе... – пристыдил его электрик. – Час ещё до перерыва... Ты вот что лучше... Досталось-то сильно? С виду вроде как и небитый...

– Считаю, что небитый, – хмуро признался Алексей. – Дёру дал вовремя. Так, по затылку слегка огрели...

Борька отстранился и оторопело посмотрел на Колодникова.

– И всё? – не поверил он. – Так ты что, вообще, что ли...

Тут он осёкся, крякнул и некоторое время озадаченно крутил башкой.

– Мудрый ты... – изронил он наконец с некоторой даже завистью. – А я вот в позапрошлом году в травматологию загремел – как Костик...

– Что... тоже из арки? – опешив, спросил Алексей.

– А то откуда же! – Электрик заёрзал, и глаза у него малость остекленели. – Слышь... – сказал он, сглотнув. – Там у меня в бендежке ещё на доньшке осталось. Пойдём примем. Чего ей там стоять!

Борька уже не однажды пытался заманить Алексея на предмет выпивки в свою таинственную «бендежку» в подвале четвёртого подъезда. Этой торжественной церемонии (в каком-то даже роде – посвящению) Борька, видимо, подверг – и давно – всех обитателей двора. Единственным неохваченным жильцом мужского пола, надо полагать, оставался Колодников. Обычно он отвечал электрику вежливым отказом, но уж больно интригующий на этот раз завязывался разговор. Колодников подумал, поколебался.

– Мне ведь ещё на работу сегодня... – неубедительно молвил он.

– Тебе ж к четырём, – напомнил всезнающий Борька. – Да и что там пить-то? На доньшке же, вот столько!.. – И, жалобно наморщив лоб, звероподобный электрик изобразил из правой руки подобие разводного ключа, настроенного на крупную гайку.

* * *

– Я ведь ещё не каждого к себе приглашу... – радостно заливал он, пока они шли мимо мусорных ящиков, мимо временно осиротевшей серой «Волги» – к четвёртому подъезду. – Один пить – не могу. Ну не могу – и всё! Н-но... – Борька выкатил глаза и поднял корявый палец. – Только с хорошими людьми, понял? Взять тебя... Человек умный, образованный... в компьютерах секёшь...

Навстречу, разбрызгивая сапожками снежную слякоть, пробежала крохотная девчушка с ярким рюкзачком за плечами.

– А-а, попалась? – возликовал электрик, страшно разевая щетинистую людоедскую пасть. – Кто вчера музыкалку прогулял? Смотри, мамке твоей скажу – она тебя живо кверху тыном поставит!

– Ага! Щаз! – огрызнулась кроха, даже не остановившись.

– Видал? – посетовал Борька, кивнув вслед. – Ничего уже не бояться. Пороть-то некому...

– Сирота, что ли? – не понял Колодников и тоже проводил девчушку сочувственным взглядом. – Безотцовщина?

– Да нет... – нехотя отозвался электрик. – Всё есть. Отец есть, ремень есть...

– Так за чем же дело стало? – спросил Алексей, честно сказать, позабавленный странными словами электрика.

– А так... – уклончиво молвил тот. – Некому – и всё.

Они вошли в подъезд и спустились по гулкой короткой лестнице, упёршейся в железную дверь. «Бендежка» оказалась весьма обширным подвалом, пожалуй, чуть побольше Димкиной комнаты. Стены её были почти полностью забраны сваренными из уголков стеллажами, на которых чего-чего только не валялось. В многочисленных выбоинах бетонного пола тускло мерцали металлические опилки.

– Садись, сосед... – Борька указал Колодникову на табурет рядом со слесарными тисками, сам же отомкнул ободранный сейф и поставил на окованную жестью столешницу пустую на три четверти бутылку водки.

– Старухи – не в счёт, – изрёк он что-то непонятное, продолжая сервировать верстак. Размёл опилки, выложил кусок копчёной рыбы на промасленном бланке, после чего наполнил всклень две приблизительно равные стопки, стеклянную и пластмассовую. – Они здесь уже сто лет живут... За сто лет любой дурак смекнёт... – Тут он приосанился и развернул грудь пошире, чтобы виден был клинышек тельняшки. – За тех, кто в море, сосед!

Алексей выпил за тех, кто в море, и, кашлянув, закусил обрывком копчушки. Хотел вернуть беседу к загадочной Борькиной фразе насчёт старух, раз уж тот сам завёл об этом речь, но электрик успел заговорить первым. Как всегда.

– Да-а... – протянул он раздумчиво. – Вот так... Загремел, значит, в травматологию... Башка пробита – ладно. Бывает. Шпангоуты поломаны – тоже... Но у меня же там ещё колотые раны на заднице обнаружили!.. А, сосед? Прикинул? Ко-ло-ты-е!..

Алексей моргал. Ход мысли электрика был ему, честно сказать, не совсем понятен. А тот вдруг замолчал и пытливо взглянул на гостя:

– Ты как вообще, Алексей Батькович? Куришь?

– Вообще курю...

– А я – бросил, – доверительно сообщил Борька. – Годы уже, знаешь, не те, здоровьишко побережь надо... Так что извиняй: захочешь подымить – дыми за дверью... А вот давай-ка мы лучше добьём её, родимую... Чего ей здесь стоять?

С этими словами он разлил остаток водки и произнёс ещё один тост, тоже как-то там связанный с флотской тематикой. Затем опустевшая бутылка, стопки и даже промасленный листок с рыбьими костями стремительно канули в сейф, где и были заперты на ключ. Верстак вновь принял вполне рабочий вид.

– Ну вот... – удовлетворённо проговорил Борька, присаживаясь на второй табурет и смахивая последние улики. – А теперь слушай историю... Пришёл это я однажды с работы, борща разогрел. Неженатый ещё был, а жил на «алюминьке»... Разогрел, налил... И только это я первую ложку зачерпнул – влетает камень в форточку. И – бац! – точно в тарелку! Разбить, правда, не разбил, но морда, сам понимаешь, вся в борще. Кладу ложку, утираюсь, выхожу во двор (квартира в нижнем этаже была)... Перед подъездом бабушки сидят на скамейке, вроде как у нас. «Кто?» – говорю. Ну, они показывают... Я смотрю: идут два амбала, причём не спеша идут, будто так и надо. Я разозлился, догнал их – и давай мозги вправлять. Они послушали-послушали, потом обиделись, начали меня бить. А здоровые – летаю от одного к другому, только размахнуться успеваю... Потом думаю: нет. Этак они ведь меня совсем убьют. Побежал, короче... Они – за мной. Догоняют и бьют, догоняют и бьют! Я мимо бабок в подъезд – они за мной! Забегаю к себе – они за мной! Веришь? В квартиру вскочили – до того обиделись... А на стенке у меня тогда коврик висел и сабля... Ну, не турецкая, а такая, знаешь, чуть попрямее... Выхватываю саблю – и на них! Они – от меня! Два квартала гнал! Догонял – и в задницу колот... Хорошо ещё дворами возвращался, а то бы точно в ментовку сдали. Иду

ощеренный, в руке – сабля, с острия кровь капает... Прохожу мимо бабок, а они мне: «Ой, Боря, мы ж тебе не на тех показывали-то... Это мальчишки бросили...»

Борька замолчал и уставил на Колодникова мутновато-синие загадочные глаза.

– Погоди... – ошалело сказал тот. – Ты о чём рассказываешь – об арке или... Когда это было-то?..

– Да лет двадцать назад... Даже, считай, двадцать один... – На людоедских, слегка вывороченных губищах Борьки играло нечто этакое, что при иной внешности собеседника можно было бы назвать тонкой улыбкой.

– А в реанимацию ты когда попал?

– В травматологию, – сурово поправил Борька.

– Ну, в травматологию...

– В позапрошлом году...

– То есть ты хочешь сказать... – запинаясь, проговорил Колодников, – что они тебя чуть ли не двадцать лет искали, потом нашли, подстерегли в арке – и...

Электрик Борька ухмыльнулся.

– Не, не допёрло... – посетовал он, с удовольствием разглядывая сбитого с толку Алексея. – Ну ничего, допрёт помаленьку. Ты ж у нас умный... В компьютерах вон секёшь...

Глава 3

Выйдя из троллейбуса в солнечный звонкий март, Алексей Колодников внезапно почувствовал себя молодым. Ощущению этому способствовало ещё и то, что, вернувшись от Борьки, он догадался просушить ботинки на батарее парового отопления и отыскать в шкафу чистые носки.

По мокрым асфальтам оглушительно трещали шины, слышались щелчки обрывающихся с крыш сосулек, с шорохом разлетались по тротуарам льдышки. И даже когда путь Алексею перекрыла посверкивающая чёрная жижа, он не только не обиделся, но ещё и оглянулся потом с благодарностью, промурлыкав что-то насчёт грохочущей слякоти. Действительно, погодка стояла – из раннего Пастернака; Ходасевич здесь был бы просто неуместен... Весна, братцы, весна! Ещё десяток шагов – и выглянет из-за поворота старинный двухэтажный особнячок, сложенный из тёмно-красного кирпича.

Возможно, кому-то это покажется диким, но каждый раз, подходя к месту своей новой работы, Алексей испытывал прилив сил. Казалось бы, глупость невероятная! Чему тут радоваться? Это ж Божье проклятие – труд! Ты, дескать, Ева, рожай в муках, а ты, Адам, трудись...

Но в том-то и дело, что работой своей Алексей гордился. Зарплату, правда, каждый раз приходилось выклянчивать, чего он отродясь не умел, зато сама должность... Называлась она до изнеможения красиво – специалист по компьютерному дизайну. И это если учесть, что впервые Алексей увидел компьютер года полтора назад, когда председатель общества книголюбов, хозяйственный мужичок, хватавший всё, до чего мог дотянуться, раздобыл где-то списанную «двойку» – неизвестно только, для каких нужд.

Устройство оказалось до омерзения похожим на люто ненавидимый Колодниковым телевизор, но Алексей переборол себя и с благословения начальства принялся прилежно постигать азы компьютерной вёрстки, то и дело бегая за советом в Дом печати. Через неделю он уже называл кнопки кейбордой, экран – монитором, а всевозможные «альты», «контролы» и прочие «делиты» сыпались у него с языка весьма непринуждённо и, главное, к месту. Короче, к тому времени, когда он, отхватив роскошную не по чину квартиру, угодил под сокращение штатов, слепить в «вентуре» простенькую листовку ему было раз плюнуть.

Оказавшись без работы, Алексей сначала ужаснулся – и от большого отчаяния двинулся даже в бюро по трудоустройству. Но, к счастью, не дошёл – был перехвачен по дороге знакомым книголюбом, которому два месяца назад сделал и откатал полсотни визитных карточек, воспользовавшись лазерным принтером того же Дома печати. Книголюб этот ранее исправлял какую-то должность в обкоме комсомола, а ныне числился одним из учредителей некоего инвестиционного фонда. Алексея он почитал крупным знатоком «железа» (словечко это нравилось обоим), а узнав о сокращении, пришёл в восторг: оказывается, фонду позарез требовался такой вот специалист. И уже вечером того же дня Алексей Колодников заполнял листок учёта кадров.

Нет, кроме шуток! Устроиться в наше время на работу, да ещё с такой лёгкостью, – это ведь, как ни прикидывай, уметь надо! Особенно если учесть, что люди, и впрямь одолевшие всякие там компьютерные курсы, сплошь и рядом зря обивают пороги!.. Жалко ребят, ей-богу... Спрашивают их: «Верстать умеете?» А они и слова-то такого не слышали... Вот тебе и курсы!

Единственное неудобство заключалось в том, что рабочий день у Алексея начинался с четырёх. До шести специалист по компьютерному дизайну честно валял дурака, а потом оба паренька, ведущие учёт вкладчиков, шли домой, уступив ему хилую «двойку» – точно такую же, как в обществе книголюбов, только с расширенной оперативкой. Непостижимо, но, воро-

чая, по слухам, непомерно огромными суммами, фонд до сих пор не смог наскрести денег на покупку второго компьютера.

* * *

Кирпичный двухэтажный особнячок старинной затейливой кладки, ныне частично арендованный инвестиционным фондом «Россиянин», тоже был овеян преданиями, причём куда более древними, нежели огромное серое здание, в котором обитал с недавних пор Алексей Колодников.

По легенде, выстроен он был ещё до революции неким купцом, устроившим в нём дом свиданий. Стены между отдельными кабинетами достигали чуть ли не крепостной толщины. Петарду взорви – ни одна зараза не услышит. Коридоры разбегались, раздваивались, вилились самым неожиданным образом – на случай облавы, как объяснили Алексею. Нагрянет полиция, а клиентов уже и след простыл. Поди-ка поищи их в таком лабиринте...

В пламенные годы Гражданской войны особнячок пригодился и красным, и белым. Город то и дело переходил из рук в руки, и каждый раз в домике обосновывалась контрразведка. Да оно и понятно! Вести допросы в условиях полной звукоизоляции – это ж одно удовольствие... Следует добавить, что низкие окна первого этажа были забраны зеленоватым волнистым стеклом, сквозь которое чёрта с два что-нибудь разглядишь, но кто именно до этого додумался: красные, белые или же сам купец – сказать трудно. Впрочем, не исключено, что идея волнистых стёкол возникла относительно недавно, ибо в последние годы особнячок был гостиницей МВД...

Отметившись в журнальчике у слоноподобного обрюзгшего охранника, Алексей поднялся по широкой дубовой лестнице на второй этаж и двинулся напрямик в совет директоров. Куколка-секретарша с испуганным личиком (Опять новая! Меняют каждую неделю!), услышав просьбу Алексея об аудиенции, всполошилась, кинулась в обитую кожмитом дверь – выяснять. Вернулась радостная, сказала: «Заходите...»

Колодников зашёл. Директоров в просторном, хотя несколько сумрачном кабинете было четверо – все при галстуках и в тёмных строгих костюмах. Трое стояли в непринуждённых позах и с интересом слушали, что им рассказывает четвёртый – холёный черноусый красавец, присевший бочком на край одного из столов, составленных буквой «Г».

Перенести усы на место бровей – вылитый Леонид Ильич Брежнев в молодости.

– И вот выхожу это я на вышку... – стыдливо посмеиваясь, излагал он плавным баритоном. – Как залез – сам не знаю, пьян был в умат... Тупо гляжу на кишлак, и вдруг накрывает меня мысль: «А почему это афганцы не празднуют День Советской армии?..» Возмутился, блин, до глубины души. Разворачиваю пулемёт – и начинаю садить по крышам. Причём не короткими очередями, а сплошняком, куда попало... Ну дурь же в башке, вон сколько вмазали – в честь праздника! И главное – ни шума внизу, ни тревоги – ничего... Пулемёт у меня никто не отнимает... Причём так: пьяный-пьяный, а допёрло в конце концов... «А что ж это, – думаю, – патроны не кончаются всё и не кончаются?..» И что оказалось... Сообразили наши дурики пулемётные ленты склепать! Ничего себе шуточки – ствол заплавило...

Рассказчик (бывший замполит полка, а ныне глава совета директоров) приостановился и окинул присутствующих лукавым оком. Алексей из вежливости одобрительно хмыкнул, и на него обратили внимание.

– Какие проблемы, Лёш? – вполне дружески спросил вошедшего высокий румяный парень, тот самый комсомолец-книголюб, чьими стараниями Колодников и стал специалистом по компьютерному дизайну.

Алексей беспомощно развёл руками.

– Ну вот хоть режьте! – молвил он, простодушно глядя на директоров. – Нужен второй компьютер!

Бывший замполит сразу заскучал, закручинился, даже со стола слез. Вздохнул, оправил холёный ус.

– Ну а конкретно? – с невероятной усталостью в голосе спросил он. – Что тебя не устраивает?

– Меня не устраивает вторая смена, – сказал Алексей. – Мне вчера возле дома морду набили.

Директора повернулись к нему с нездоровым интересом.

– А очки целые... – разочарованно заметил книголюб-комсомолец. – Или это новые уже?

– Н-ну... чуть было не набили.

– Чёрт знает что!.. – проговорил, наливаясь гневом, красавец-замполит. – Кругом же бандитизм, кругом! Ну вот кому это всё мешало? Плохо жили? Ни хулиганства раньше такого не было, ни рэкета... Нет, надо было всё поломать! Свободы им, видишь, захотелось, коммунисты им не угодили!.. – Вне себя он прошёлся по кабинету и, слегка успокоившись, снова повернулся к Алексею. – А если так? Приходишь к двенадцати, уходишь в восемь...

– Ну и буду до шести бездельничать, – обиженно ответил тот. – Машина-то в шесть освобождается...

– Какая машина?

– Ну... компьютер...

Глава совета директоров задумался на минуту.

– Ладно, – решил он. – Сегодня можешь уйти пораньше... А там придумаем что-нибудь...

Придумает он! Алексей ещё дверь за собой не прикрыл, а бывший замполит полка уже завёл новую байку:

– А вот ещё был случай: сапогами напалм тушили...

* * *

Кто не знает, решил бы, что в застенке, гордо именуемом компьютерным залом, и впрямь хранится нечто ценное, ибо застенок этот располагался сразу за двумя железными дверьми: первая дверь – сплошная, как в Борькиной «бендежке», только с глазком, вторая же – решётчатая, сваренная из арматурин. Та, что с глазком, была, по обыкновению, распахнута настежь. Два невзрачных малорослых сотрудника сидели, сгорбившись, плечом к плечу перед единственным в помещении монитором. Один уныло считывал вслух с тетрадного листка реквизиты вкладчиков, второй (со значком «Гербалайф» на лацкане) ужасающе медленно вносил их в базу данных.

– «Житьё у них было плохое... – звучно продекламировал Алексей сквозь решётку. – Почти вся деревня вскачь пахала одной сохой на паре заезженных кляч...» Эй, криушане! Откройте!

Ему открыли, чертыхнувшись, и специалист по компьютерному дизайну приступил к обязанностям. Скинул куртку, сходил за водой, сунул в стакан кипятильник и, вновь потревожив унылых тружеников, извлёк из нижнего ящика стола томик Борхеса.

– Какая падла книгу трогала? – осведомился он, впрочем, вполне добродушно. – Тут закладка была... Ах, вот она... Всё-всё, репрессий не будет, можете продолжать.

Алексей заварил чай, затем, устроившись с удобствами в уголке, нашёл пусть не самый любимый, зато давно уже не читанный рассказ «Форма сабли» и с предвкушением протёр очки... Однако ожидаемого удовольствия он на этот раз так и не получил. Первая, лакомая фраза: «Его лицо уродовал лютый шрам: пепельный, почти совершенный серп, одним концом

достававший висок, другим – скулу...» – сразу же вызвала в памяти колотые раны на заднице электрика Борьки и вообще всю эту его историю. Алексей поднял глаза от книги и задумался.

Ох, что-то он разнюхал, этот электрик. Да и немудрено: всюду нос суёт, без мыла в душу лезет, вдобавок почитает двор своей вотчиной... Лет десять назад Алексей не колеблясь бы принял Борьку за стукача... Да, но что он мог разнюхать-то? Догадался, кто именно подстерегает припоздавших с работы жильцов? Почему тогда не обратился в милицию? Его же самого избили до полусмерти, раз в травматологию попал... Может быть, пригрозили, чтобы молчал? Так ведь не молчит же – намекает, посмеивается... Да и страха в беседе не выказал ни разу...

И ещё эти колотые раны на заднице! Честно сказать, именно они-то больше всего и раздражали Колодникова – своей непонятностью и какой-то... литературщиной, что ли? Ну ткнул кого-то по молодости саблей... И надо же: двадцать один год спустя те двое ловят обидчика в арке – и око за око, зуб за зуб... Прямо как в «Маскараде» у Лермонтова – тридцать лет мечь вынашивал... Да и при чём тут око за око? Ему же ещё и башку проббили, и рёбра сломали... Шпангоуты – это ведь рёбра, так, кажется?..

– Да не может быть такой фамилии... – вполголоса бухтел сидящий у компьютера.

– Ну вот же написано!..

– Значит, ошиблись!..

– Лёш, ты у нас грамотный... В фамилии Тюрморезова мягкий знак нужен?

Колодников прикрыл книгу и ласково взглянул сквозь очки на задавшего вопрос.

– Фамилии, – назидательно сообщил он, – подчиняются не правилам, а исключительно произволу паспортистки. Как она тебя напишет – таким на всю жизнь и останешься...

Порадовался удачному своему ответу и, придя в доброе расположение духа, вернулся к прерванному занятию. Однако Борхес сегодня точно задался целью ежестранично напоминать Алексею о колотой Борькиной заднице.

«Со стены, из генеральской оружейной коллекции выхватил саблю, – в смятении читал Алексей Колодников. – Этим стальным полумесяцем я навеки оставил на его лице полумесяц кровавый...»

Он снял очки и, зажмурившись, ущипнул себя за переносицу.

Хорошо! Предположим, что Борька врёт. За каким дьяволом это ему надо – вопрос второй... Врёт. Причём достоверно, с изяществом, искажая лишь малые подробности... Скажем, вовсе не он гнался за кем-то с саблей, а за ним гнались... И случилось это не двадцать лет назад, а именно в позапрошлом году...

– Пять лимонов... – слышалось из-за монитора. – Сроком на два месяца... Во живут люди!..

«Нет, – решил с сожалением Алексей, вновь надевая очки. – Это уже не Борька. Это Борхес... Для Борьки получается слишком уж вычурно...»

Хм... А что если взять и прозвать электрика Борхесом? Вдруг да прилепится кличка?... Хотя нет – не поймут...

А красивая, между прочим, версия – насчёт вранья. Вот только старухи из неё как-то выпадают. Он же ещё на старух намекал: тоже, мол, о чём-то проведали...

На секунду в расторможенном воображении возникло и вовсе дурацкое видение: банда старух, затаившаяся в ночной арке... И та слабая ладошка, что шлёпнула его по левому глазу... Тьфу, идиот!

Алексей в сердцах захлопнул книгу.

Тут как раз настали заветные шесть часов, оба сотрудника подхватились и принялись рассовывать по ящикам стола тетрадные листки с реквизитами вкладчиков. Алексей пересел на тёплый стул и, вызвав на монитор устав фонда, надолго выкинул из головы и Борхеса, и Борьку...

Кстати, если уж на то пошло, подзатыльники были нанесены твёрдой мужской рукой...
Какие ж тут, к чёрту, старухи!

* * *

Часам к девяти он вывел изукрашенный устав на безмозглом лазерном принтере – жутком устройстве, имевшем обыкновение вопить по любому поводу, что у него не хватает памяти. А добавить этой чёртовой железяке мозгов никто не смел, поскольку она даже не являлась собственностью фонда.

Алексей собрал воедино красиво отпечатанные листы, потом выяснил точное время. Компьютер наверняка привирал, как всегда, минут на десять, и тем не менее можно было уже идти к директорам: отчитаться о проделанной работе и напомнить, что сегодня его обещали отпустить пораньше.

Разрумянившаяся похорошевшая секретарша ничуть на этот раз Колодникова не испугалась и с ленивой улыбкой кивнула на обитую кожей дверь. Алексей вошёл, уже догадываясь, что сейчас предстанет его глазам. Так и есть. Совет директоров – гулял. Вернее, уже догуливал. Дым стоял коромыслом, пылали плафоны, на столах, составленных теперь буквой «Г» (танцевали, что ли?), располагались остатки пиршества.

– А-а, Лёша... – обрадовался несколько побледневший от выпитого красавец-замполит и приобнял Колодникова за плечи. – Герой ты наш! Пострадалец за общее дело... Нет, надо тебя поощрить! Вот только разберусь с финансами – и тут же поощрю... Слушай, а давай сейчас поедим, найдём, кто там тебя бил, и-и как им вломим, а?.. Слушай, а ты где пропадал?

– Работал, – хмуро сказал Алексей.

– Ра-ботал? Ты что, с ума сошёл? Да разве можно сегодня работать?.. Ты хоть знаешь, какой нынче день? Канун Сорока мучеников сегодня! На вот, выпей...

Он оглядел разорённые столы и, ухватив ближайшую бутылку, вытряс из неё в рюмку несколько капель. Схватил другую – то же самое.

– Ну вот видишь, – ничуть не смутившись, даже вроде бы с упрёком объяснил он. – Ничего уже и не осталось... Что это у тебя?

– Устав...

Глава совета директоров встрепенулся и как будто слегка протрезвел.

– Оставь у секретарши, – велел он. – А то, не дай бог, замаслят...

В углу стола книголюб-комсомолец, подпёрши кулаком щёку, выводил тоненько и с чувством:

– И ба-ец ма-ла-до-ой... вдруг па-ник га-ла-во-ой...

В глазах его стояли слёзы.

* * *

Домой Колодников добрался неслышанно рано. Светофор в дальнем конце переулка ещё работал в три цвета, стало быть, даже и одиннадцати нет. И всё же перед тем, как войти в арку, очки Алексей на всякий случай снял.

Предосторожность оказалась излишней. Никем не тронутый, он благополучно достиг подъезда и набрал на ощупь код. Тоже дурь полосатая, если вдуматься! Ну вот что толку от этого кода? Тычешь-тычешь вслепую... А если бы за ним сейчас гнались?

Он поднялся на второй этаж, с каждой преодолеваемой ступенькой чувствуя, как ощущение удачно прожитого дня вытесняется тоской и раздражением. С Александрой Колодников был в ссоре – вторые сутки друг с другом не разговаривали. Из-за чего у них вышел такой

раздрай, он, по правде, уже и не помнил. Она, наверное, тоже... Да из-за ерунды из-за какой-нибудь!

Впрочем, дома его ждал сюрприз: квартира (судя по чистоте и порядку в прихожей) была прибрана, а жена явно собиралась нарушить двухдневный обет молчания.

Худая, невысокая, нервная Александра держалась всегда подчёркнуто прямо. Безумные, прожигающие собеседника глаза, тёмная, слегка растрёпанная стрижка «каре» и небольшой, решительно поджатый рот делали её удивительно похожей на Нестора Ивановича Махно, о чём Колодников, естественно, ни разу ещё не обмолвился, какие бы скандалы она ему ни закатывала. Да он и сам расстроился, подметив это удручающее сходство, когда лет семь назад случайно наткнулся в журнале на портрет легендарного батьки.

Она встретила его в прихожей – должно быть, услышала звук проворачивающегося ключа. Приветствия от супруги Алексей так, правда, и не дождался. Плотнo кутаясь в шаль, Александра пристально следила за тем, как разувается муж.

– Я всё поняла... – сообщила она несколько замогильным тоном, дождавшись, когда он поставит туфли на место.

– Что ты поняла? – ошалело спросил Алексей, снимая куртку. Знай он за собой в данный момент какие-либо свежие грешки – непременно стал бы их перебирать.

– Я поняла, кто нас подстерегает в арке...

Тьфу ты, чёрт! Ну не дура ли? Сейчас опять объявит себя ведьмой и ясновидицей! Когда же ты сообразишь наконец: то, что в двадцать лет кажется очаровательным, в сорок – осто... Осточертеет!

– Вот, – произнесла Александра, с каменным лицом выпутывая из шали сиреневую книжку карманного формата. Вновь блеснул тиснённый золотом заголовок.

– «Мёртвые не потеют»? – криво усмехнувшись, спросил Алексей.

– Зря смеёшься, – с морозцем отвечала она. – Книга почти документальная... И всё совпадает, всё! Один к одному!

Алексей переобулся в тапки и с сомнением взял протянутую книжицу. «Детективы, представленные в сборнике, – прочёл он на задней крышке, – затрагивают самую острую проблему сегодняшнего дня – неспособность государства защитить своих граждан».

– Хм... – Вновь оглядел обложку если не с уважением, то во всяком случае с интересом. Прочитанное соответствовало действительности. – И что там?

– Квартира, – сказала она. – Всё дело в квартире. Кто-то из теневиков хочет скупить целый дом.

– Зачем?

– Откуда я знаю! Мало ли... Какая-то фирма по обмену жилплощади... Ходят по квартирам, предлагают поменяться на другой район. А тех, кто отказывается, ловят и бьют. Одного уже убили...

– Кого? – ужаснулся Колодников, но тут же сообразил: – А-а, в книге...

Призадумался. При всей своей нелюбви к современным боевикам и прочим там триллерам Алексей не мог не признать, что предложенная Александрой версия выглядит куда более жизненно, нежели его недавние фантазии в духе Борхеса.

– Да нет, вряд ли... – недовольно произнёс он наконец и вернул книжицу, так её и не раскрыв. – Ты вспомни, кто у нас в доме живёт. Один вон Полтина чего стоит... – Алексей невольно понизил голос, но тут же устыдился и заговорил подчёркнуто громко: – Борька-электрик рассказывал, у него две квартиры одна под другой... Между ними – внутренняя лестница, а в прихожей мордovorоты сидят, личная охрана... На такого, пожалуй, наедешь! Он сам на кого хочешь наедет...

– А может, это он и есть! Две квартиры скупил – показалось мало...

– Погоди, – встревожился Алексей. – Тебе в самом деле кто-то обмен предлагал?

– Да нет пока...

Колодников мгновенно успокоился. Настроение стремительно улучшалось. В конце концов, нет худа без добра...

– Так о чём мы тогда говорим?.. – обвораживающе проворковал он, мягко привлёкши к себе супругу и уже запуская ей за шиворот холодную, но ласковую ладонь. А что? Помирились так помирились... Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Возьми себя в руки, – процедила она, отстраняясь.

– Только этим и занимаюсь, – обиженно ответил он. – Совсем уже ручной стал...

– Пошляк! – вспыхнула Александра. – С тобой о деле!..

– Я не пошляк, – с достоинством отчеканил Колодников. – Я семьянин. Будь я пошляк, я бы уже на стороне кого-нибудь завёл...

И супруги уставились друг на друга с откровенной неприязнью.

– Тебе повестка пришла из милиции, – скрипуче сообщила Александра.

– Где?

– Что – где?

– Где она?

– На столе лежит. – И, гордо отворотив нос, Александра свет-Димитриевна удалилась в комнату – дочитывать «Мёртвых».

Обеспокоенный Алексей последовал за нею. Действительно, на краешке стола лежала бумага, предписывавшая ему явиться завтрашнего числа в райотдел милиции в качестве свидетеля – и не к следователю, а к какому-то оперуполномоченному... Хм... Это даже как-то обидно...

– И молчит, главное! – проскрежетал Колодников. – Тут в милицию завтра идти, а она...

В ответ из-под торшера раздался лишь злой короткий шорох переворачиваемой страницы.

Больше за весь вечер не было сказано ни слова. Спать супруги легли, не пожелав друг другу спокойной ночи. Надо же – пошляк! Может, климакс у неё? Отговорила роща золотая?.. Алексею вспомнились схематично нарисованные человечки. Как там было? «Необходимо помнить, что у женщин, в отличие от мужчин, половые органы раскиданы по всему телу»? Да другая на её месте, прочтя такое, прямо в прихожей бы с мужа штаны сняла!

Где-то во втором часу явился Димка. Алексей слышал, как он надсадно кашляет, постанывает, что-то там роняет и опрокидывает в прихожей.

Не иначе, поддал с дружками...

Глава 4

– Что это с тобой? – в ужасе спросил Алексей.

Димка поспешил снова отвернуться к плите, оставив отцу для обозрения лишь обезображенное ударом ухо, чем-то теперь напоминавшее экзотическую морскую раковину.

– Не видишь, фто ли?.. – злобно прошамкал он расквашенными губами.

Лицо его, насколько успел разглядеть Колодников, строго говоря, лицом уже как бы и не являлось. Просто не верилось, что такой сравнительно малый участок человеческой плоти может нести на себе столько ссадин и кровоподтёков. Левый глаз заплыл, правый подёрнулся алыми прожилками. Судя по всему, туловищу тоже крепко досталось, поскольку Димка вопреки обыкновению был в рубашке с длинными рукавами и к плите отвернулся как-то неловко, словно одолевая боль.

– И тоже в арке? – ахнул Алексей.

– Ну!.. – буркнул тот.

– Как же это тебя угораздило?..

– Как-как!.. – с досадой бросил Димка. – Ив баввончика в мовду пвыфнули, ковлы!..

«Прыснули из баллончика, – дошло наконец до Алексея. – Вот сволочи!..»

Димка расстроено махнул ручищей и, кряхтя, кокнул о край сковороды первое яйцо. За окном кухни сияла синева и звенели последние сосульки. С добрым утром!..

– Зубы-то хоть целы?

Вместо ответа Димка бросил на столик скорлупу и протянул руку за вторым яйцом. Костяшки пальцев были невредимы – стало быть, даже ни разу не ударил в ответ.

Сложные чувства обуревали Алексея Колодникова. Конечно, он был потрясён. Конечно, ему было жалко Димку. Однако кроме этих вполне понятных и в общем-то благородных движений души Алексей, к неудовольствию своему, ощутил ещё и некое подленькое ликование: ага, дескать! А шумел-то, шумел! Глаз он им на пятку натянет!.. Вот и натянул... Так-то, дружок! Как ни строй из себя крутого, как ни играй накачанными бицепсами-трицепсами...

Колодников досадливо тряхнул головой, избавляясь от неприличного, мелкого злорадства, потом вспомнил про Александру и спешно прикрыл дверь кухни. Рыданий и воплей, понятно, не избежать в любом случае, но всё же будет лучше, если это стрясётся в его отсутствие.

– Я сейчас в райотдел милиции иду, повестку прислали – в связи со вчерашним... – понизив голос, начал Колодников, однако завершить фразу ему не удалось.

Димка резко обернулся, вновь ужаснув отца глянцевою сине-багровой маской.

– Фтобы ментам – ни флова!.. – угрожающе предупредил он и, помолчав, добавил мрачно: – Фам вавбевуфь!..

Сам он разберётся! Алексей открыл было рот, но, так ничего и не сказав, безнадежно махнул рукой. Уж кому-кому, а ему-то Димкино упрямство было хорошо известно. Генетика...

* * *

Здание райотдела Колодников в прошлый раз как следует не разглядел: во-первых, дело было ночью, а во-вторых, привезли и увезли его тогда на милицейской машине. Теперь же, при свете дня, строение показалось Алексею громоздким и угрюмым, несмотря на обилие стекла и наличие вертикальных бетонных рёбер, придававших плоскому фасаду вид гигантской батареи парового отопления. Переступив порожек высокой двери, являвшейся частью железных ворот, Алексей оказался в загадочном помещении, прямо-таки угнетающем полной своей бес-

смысленностью: просторная бетонная призма с мощным скатом пола – градусов, наверное, под тридцать. Если для машин – то слишком круто, да и куда бы они въезжали, эти машины, если наверху их ждала такая же площадка, как и внизу, – не шире полутора метров, а дальше – глухая стена! Разве что трупы подследственных сволокить по такому скату... Впрочем, справа бетонный склон был прорезан узкой лестницей, взбегающей к жестяным двустворчатым дверям.

За ними располагалась столь же обширная бетонная клетка, назначение которой (не в пример первому помещению) угадывалось довольно легко, поскольку была она перегорожена толстыми железными перилами, снабжёнными вертушкой. Справа (Опять справа... Милиция всегда права!) наличествовало окошко с форточкой, где должна была, по идее, присутствовать физиономия под милицейской фуражкой. Но это, конечно, по идее... Когда Колодников, не решаясь пройти сквозь вертушку без разрешения, просунул голову в форточку, глазам его предстали задница и перехлёстнутая ремнём портупейи спина дежурного, копающегося в каком-то сейфике.

Весьма недовольный тем, что его оторвали от куда более важного занятия, дежурный буркнул номер кабинета (который, кстати, и так был известен Алексею, поскольку значился в повестке), после чего отвернулся вновь.

Несмотря на врождённую законолюбивость, Колодников был на сей раз настроен воинственно. О последнем происшествии Димка ему, правда, упоминать запретил, но даже и без этого прискорбного случая серия нападений в ночной арке выглядела весьма впечатляюще. Как там значилось на задней крышке сиреневой книжицы? «Неспособность государства защитить своих граждан?» Святые слова.

Повозмущаться вслух Колодникову, однако, не пришлось. Он вообще плохо переносил кабинеты – независимо от того, был ли это кабинет директора или же кабинет врача. Вот и сейчас, стоило ему, войдя, прикрыть за собой дверь, коленки его обнаружили лёгкую тенденцию к проседанию, а после первых вопросов он и вовсе почувствовал себя чуть ли не обвиняемым. Вдобавок опер был в штатском, и Алексей с его отвратительной памятью на лица никак не мог сообразить: тот ли это давешний капитан или уже кто-то другой... Вроде бы такой же крепыш, только пониже малость, поплотнее и вроде бы поинтеллигентнее... Но, во всяком случае, рослого рукастого детину лет двадцати пяти (и тоже в штатском), с угрюмым видом маячившего за правым плечом оперуполномоченного, Алексей наверняка видел впервые.

– Сколько можно рассказывать одно и то же? – фыркнул Колодников и дерзновенно протёр очки.

– Ничего вы нам ещё не рассказывали, – ворчливо отвечал ему опер. – Это вы автоинспекции рассказывали, а не нам...

Стало быть, и впрямь не тот...

– Ну так они же всё записали...

Тут по лицу и по тяжеленным клешням дылды в штатском прошла единая судорога, словно он готов был уже сейчас придушить свидетеля на месте. Детина вздохнул, сунул ручищи в карманы и, выпятив челюсть, стал смотреть в окно.

– Они – это они, – сурово сказал опер и положил на стол чистый лист.

Алексей покорился судьбе и вновь принялся излагать всё с самого начала. Записав за ним пару фраз, оперуполномоченный вдруг приостановился, потом бросил ручку на стол и дальше слушал с откровенной скукой. Озадаченный Колодников перевёл взгляд на стоящего у окна. Тот двигал челюстью и, судя по всему, наливался злостью.

– Слушай, мужик! – процедил он наконец, дёрнув шеей, и обернулся. – Кончай врать!

– Простите?.. – не поверил своим ушам Алексей.

– Да его же монтировкой по голове били! – взорвался детина. – В двух местах башка продырявлена! Не мог он вести машину! И в арку зарулить – не мог!..

Замолчал – и, гневно сопя, отвернулся вновь. Колодников обмяк и вопросительно взглянул на сидящего за столом.

– То есть к-как?.. – с запинкой спросил он. – Я же сам видел...

– Видел, – спокойно согласился тот. – Вот и давай – то, что видел...

– Но ведь я же... Всё как было, так и рассказываю...

– Да не было так... – Сидящий поморщился. – Давайте сначала. Вот вы пишете в заявлении: напали на вас в арке... Вот давайте подробно...

– Н-ну... – оскорблённо пожимая плечами, начал Алексей. – Я подошёл... заглянул в арку...

– Там кто-нибудь в это время находился?

– Н-нет... Во всяком случае, я посветил – никого не заметил...

– Фонарём?

– Нет, брелоком...

– Чем-чем?.. А-а, брелком?..

– Брелоком, – упрямо повторил грамотный Колодников, но впечатления это, кажется, не произвело.

– Вы были в очках?

– Да... Но я бы и без очков разглядел...

– Так. Дальше.

– Сделал первый шаг, меня ударили...

– Сзади?

– Нет, спереди, слева. Несильно, но прямо в глаз...

– А очки?

– Очки я тут же сорвал...

– После удара?

Колодников моргал.

– Сквозь очки вас ударили, получается, – заметил опер.

– Д-да, действительно... – чувствуя лёгкий озноб, выдавил Колодников. – Как же это?..

Тот, что помоложе, длинно прищипнул в раздражении и стал смотреть в потолок.

– Объяснить? – спросил тот, что постарше.

Дар речи Алексей Колодников утратил, и, очевидно, это было воспринято как знак согласия.

– Не бил вас никто, – со вздохом сообщил опер. – Так, припугнули... Ну, может быть, пару подзатыльников отвесили... И не до того, как машина в арку зарулила, а после. Так ведь?

Он подождал ответа, но, видя, что свидетель по-прежнему пребывает в ошарашенности, продолжил вполне дружески:

– Ну и чего испугался? Будь это в самом деле крутые, ты бы здесь сейчас не сидел. Они бы тебя сразу убрали. Таким ведь без разницы: трупом больше, трупом меньше... А раз начали грозить, значит, сами боятся. Натворили дел сгоряча, потом опомнились, обделались – так всё обычно и бывает... Короче, вот тебе лист, вот тебе ручка, садись поближе и пиши... И кончай трястись! Здоровый же мужик!..

Нетвёрдыми пальцами Колодников принял шариковую ручку, взглянул на неё растерянно – и решительно отложил на пододвинутый оперуполномоченным чистый лист.

– Ложные показания... – с запинкой выговорил он, – давать не буду...

Оба милиционера уставились на Колодникова. У рукастого детины даже челюсть слегка отвисла.

– Ты, может, съел чего?.. – изумлённо и в то же время угрожающе вымолвил он, при этом почему-то понизив голос и оглянувшись на дверь. – Какие ложные показания?.. Ты за базаром-то следи!.. Кто тебя заставляет давать ложные показания?..

– Я рассказал всё, как было... – через силу отвечал ему Алексей, – но вы мне не верите... Тогда я не знаю, что мне тут писать... Если то, что я видел, противоречит какой-то вашей версии...

Детина шевельнул желваками и в сердцах отвернулся к окну.

– Что видели, то и пишите... – сказал оперуполномоченный, должно быть, тоже занервничав. – Только имейте в виду: то, что вы сейчас напишете, будет приобщено к делу... вместе с заключением эксперта, вместе с вашими первыми показаниями, вместе с заявлением... А потерпевший, между прочим, вот-вот придёт в сознание. Так что дело это мы раскрутим в любом случае. А вот вам-то какой резон влетать под статью?

– Под какую статью? – холодея, вымолвил Колодников.

Опер открыл было рот, затем на округлом лице его внезапно изобразилась досада, и он обернулся к молодому:

– Коль! Не помнишь? За ложные показания – какая это статья по новому кодексу? Никак я к нему не привыкну...

* * *

Как выразился однажды Сергей Есенин устами красного китайца Литза-Хуна: «У меня болит живот от злобы». Нечто подобное ощутил и Алексей Колодников, покинув мерзкое здание с бетонными рёбрами. Хотелось раздобыть где-нибудь динамита, вернуться и взорвать райотдел к едрене фене!

«Неспособность государства защитить своих граждан...» Да на фиг сдалась государству эта способность, если оно своих граждан и защищать-то никогда не собиралось!.. «Следи за базаром...» Надо же!.. Прав, прав был Димка: с ментовкой лучше не связаться... Гуманоиды какие-то, а не люди.

Вне себя Колодников миновал квартала три, а затем обида и гнев пошли на убыль, уступая место клокочущей язвительности.

Нет, в самом деле (ядовито рассуждал Колодников, обходя лужу), какой смысл милиции вести борьбу с преступным миром? Во-первых, опасно, а во-вторых, невыгодно... По логике, им с преступным миром надо ладить, собирать с него дань, прикармливать осведомителей... Скажем, гуляет какой-нибудь крутой... Тронут его менты? Нет, не тронут. Потому что можно и на перестрелку нарваться... Или, скажем, бомж лежит... Тоже не тронут. Нет им смысла возиться с бомжом, с бомжа и взять-то нечего... То ли дело мирные законопослушные граждане! Вот с ними бороться – одно удовольствие. Оружия у них нет, алиби – тоже, запутать их на допросе – пара пустяков...

Ну вот вам, пожалуйста, легки на помине! С сиреной и с мигалкой... Не иначе, за водкой едут... А вон ещё один... Трётся у перекрёстка, жезлом себя по штанине похлопывает... А морда-то, морда... Жаждущая. Явно на коньяк не хватает – ждёт, когда какой-нибудь Алексей Колодников на красный свет пойдёт сдуру!.. Так вот, облезешь! Не пойдёт Колодников на красный, не надейся...

«Милиционеры, несомненно, гуманоиды». – Возникшая ранее мысль обрела вдруг чеканную форму, а дальше на Алексея снизошло вдохновение.

«Двуногие, прямоходящие, – выковывал он фразу за фразой, – издали они весьма напоминают представителей homo sapiens, особенно если переодеть их в гражданское... Мало того! Однажды я собственными ушами слышал, как один милиционер назвал другого Колей... Вы не поверите, но у них даже есть имена – как у людей!.. Однако стоит взглянуться попристальней – иллюзия рассеивается. Что-то подсказывает вам: идущее навстречу существо, столь разительно похожее на человека, в действительности работает в милиции... Возможно, дело тут в

выражении глаз. Это иное мышление, иная логика, а самое главное – иная мораль. Боюсь, что они так и останутся для нас загадкой...»

Когда Колодников подходил к дому, на его устах уже играла довольная, хотя и несколько ехидная улыбка. Сладкое чувство мести было настолько упоительно, что он временно и думать забыл обо всех своих недавних неприятностях. Главное – сразу же занести на бумагу вылупившийся, как из яичка, текст!.. Совет директоров будет лежать вповалку – любят они такие хохмы...

«Да и директора тоже... – с неожиданным ожесточением подумал вдруг Колодников. – Наверняка ведь ментам то и дело на лапу дают, раз на свободе ещё! Ободрали вкладчиков, как липку, а на второй компьютер у них денег нет. Жмоты...»

– Здорово, сосед!..

На скамеечке перед подъездом восседал всё тот же электрик Борька. Однако если вчера он был изрядно выпивши, то теперь он был просто пьян. Монументально пьян. Пьян эпически. Алексей чуть не плюнул с досады. Привяжется ведь наверняка...

– Слышь... – Борька, видимо, хотел опасливо оглянуться, не преуспел – и поманил Колодникова корявым негнушимся пальцем. – Ты вот чего скажи... Тебя где позавчера?.. Посреди арки... или прямо на входе?..

– Прямо на входе, – сердито сказал Колодников.

Электрик чуть отшатнулся, но являлось ли это реакцией на слова Алексея или же просто минутной утратой равновесия, сказать трудно. Во всяком случае, взгляд Борьки был теперь уставлен поверх головы собеседника.

– А... а во сколько?..

– Да в самом начале первого...

– А... ч-чё так рано?..

– Слушай, отвяжись! – вспылil наконец Алексей. – То менты допрашивали, то ты теперь!..

– М-менты?.. – Борька сдвинул в тревожном недоумении брови и пошевелил вывороченными губами. – Хреново... блин!..

– Да уж куда хреновей! – ворчливо согласился Алексей и двинулся к крыльцу.

– Слышь, сосед... – тут же всполошился Борька.

Пришлось обернуться.

– Ну?..

– Ты сядь... – проникновенно попросил Борька, при этом еле ворочая языком. – Веришь? Никого бы не попросил... Тебя попрошу... Будь другом... Дай я тебя ущипну! Только больно, учти... до синяка...

– Да ну тебя к лешему! – вконец уже озлился Колодников. – Лыка не вяжешь...

– Ну ты меня ущипни... – тараша на Алексея наслезённые мутно-синие глаза, поспешно предложил тот. – Но тогда я к тебе вечером приду, учти... Вместе сходим... Лады?..

Колодников круто повернулся и вне себя от бешенства взбежал по лесенке. И когда его только уволят, алкоголика?..

К счастью, озорной текст, возникший по дороге из райотдела, из головы вылететь не успел. Поднимаясь на второй этаж, Колодников успел его восстановить, а кое-где даже и улучшить. Беспокойство кольнуло лишь перед самой дверью: как там Димка? Побили-то ведь, что ни говори, крепко... Не дай бог внутри что-нибудь повредили...

* * *

– Подставился ты, отец... – хмуро подвёл итог Димка, осторожно ухватывая фильтр сигареты расквашенными губами. – Не фиг было называться, когда в ментовку звонил. Костик ещё неизвестно – то ли выкрутится, то ли коньки откинёт... А, кроме тебя, рядом и нет никого.

Шепелявил он уже заметно меньше.

– То есть как это? – возмутился Алексей. – Если рядом больше никого не было, то, значит, это я ему голову и проломил монтировкой?..

Димка со вздохом потрогал заплывший глаз.

– Менты... – равнодушно изронил он.

– Очень интересно! – с бледной улыбкой сказал Алексей.

– Пойду сейчас в милицию, – дыша яростью, пообещала Александра, – и на уши всех поставлю!..

В минуты неистовства она как никогда смахивала на батьку Махно.

– Только тебя там и не хватало! – с досадой бросил Алексей. – Сиди уж...

Как ни странно, но оскорбления действием, нанесённые всем троим в ночной арке, заметно сплотили семейство Колодниковых. Димка уже не ворчал и не воротил нос от родителей, холодная же война между Алексеем и Александрой сменилась внезапной оттепелью. Неплохой, если вдуматься, способ укрепления семьи – вовремя дать каждому по мозгам...

– Не, вот тут ты, отец, не прав, – важно заметил Димка, гася длинный окурок в отмытой пепельнице. – С жёнами они как раз связываться не любят. Мужик – он промолчит, а баба визгу подымет – на весь город...

– И подыму! – сказала Александра. – Ты посмотри, ты посмотри на себя в зеркало, что с тобой сделали!.. Дай ещё раз мазь наложу...

– Э! – немедленно вскинулся тот. – Ма! Ты это... Даже не вздумай! Про отца – хоть до посинения, а про меня – не вздумай даже!..

Замолчал и подставил заботливым пальцам матери особо страшную ссадину.

– Вот я тебе чего, отец, посоветую... – с кряхтением переждав первые, наиболее болезненные мгновения, молвил он. – Забери у них заявление...

Алексей не понял. Пришлось растолковать:

– Побоев нет? Нет. Ну и всё. «Претензий ни к кому не имею...» Им же самим выгодно дело закрыть, ментам...

– Ах, выгодно им? – взорвался Колодников. – А нам? И дальше морду всякой сволочи подставлять?..

– Ну это кому как... – надменно отвечал Димка.

– Я тебе дам! – теперь уже взвилась Александра. – И думать не смей! Мало тебе?.. Мало?..

Тот осторожно ослабил:

– Не, мать... Об этом даже не проси. Что ж, по-твоему, если я не видел ничего... если они мне сразу в морду слезогонкой брызнули... не вычислил я их, что ли, потом?.. Да я уже знаю, кто это был... Я ведь не Христосик, вторую щёку подставлять не буду... Щёк не напасёшься... А на вас... смотрю – и удивляюсь... Ну ничего же о жизни не знаете... Тут ведь так: начнёшь хныкать – враз копытами затопчут... шакалы...

Глава семьи вздохнул и поднялся. Образ шакала с копытами – это, конечно, сильно...

– Ну ладно... – сказал Алексей. – С вами – хорошо, однако пора и на работу...

* * *

Но такой уж, видно, выпал сегодня денёк: ни единому плану Алексея Колодникова сбыться было не суждено. Ириша Чернолептова (та самая подруга, от которой пару недель назад в первом часу ночи возвращалась Александра) объяснила бы всё мгновенно и не задумываясь: «Что-то ты не так сделал». Других объяснений Ириша Чернолептова просто не знала. У неё даже имелась на сей предмет толстая книга в твёрдой тиснёной обложке зеленоватого оттенка, где вся эта дурь была изложена в мельчайших подробностях. Скажем, споткнулся ты на левую ногу. Открываешь книжку, находишь пункт «левая нога» и узнаёшь с изумлением, что нагрубил ты когда-то старушке – потому и споткнулся теперь, поганец! Ну и боль в ноге, само собой, как-то сразу стихает...

Короче говоря, поработать Алексею так и не дали. Выгнав в шесть часов пару унылых тружеников за сваренную из арматурин дверь, он сел к монитору и первым делом набрал своё нынешнее творение – про ментов. Потом загрузил текст в «вентуру» и принялся всячески его украшать. Наклонил, снабдил рамкой...

– Это чего у тебя? – ошалело спросили вдруг из-за левого плеча.

Колодников вздрогнул. Дверь он, конечно, запереть забыл, что и позволило комсомольцу-книголюбу без препон проникнуть в помещение.

– Да это я так, для себя... – смущённо пояснил Алексей, судорожно пытаясь выйти из программы. – Пальцы размять перед работой...

Мышка, как назло, закапризничала, и книголюб-комсомолец, прочтя первые строки, тихонько взвизгнул.

– А распечатать прямо сейчас – можешь? – спросил он, распялив рот восторженной улыбкой.

– Да запросто... – с облегчением отвечал ему Алексей.

Вообще-то могли и взгреть за использование техники в личных целях...

Румяный член совета директоров вскоре читал распечатанный на лазерном принтере текст и в упоении ржал.

– Так, – решительно сказал он, отсмеявшись. – Гаси машину и пошли наверх! Вслух прочитаешь. Вроде как доклад...

– Опять что-нибудь отмечаете? – подозрительно спросил Колодников.

– Угу... Вчера двух мучеников помянуть забыли...

– Н-ну... Слушай, Андрей! Мне же ведь ещё листовки делать... – И Колодников растерянно шевельнул кипу рисунков, вырезанных им сегодня из старых журналов. Рисунки эти он вместе с выведенными на принтере текстами наклеивал на белый машинописный лист и сдавал получившийся оригинал-макет в машбюро, где листовку размножали на ксероксе.

– Да ладно тебе... Завтра успеешь...

* * *

Домой его доставили на машине в двенадцатом часу. Чуть ли не под руки, как архиерея... Сытый, довольный, слегка под хмельком, Алексей отпер входную дверь и был поражён царившей в квартире темнотой. Из малой комнаты слышался слабый храп – Димка спал, набираясь сил, и, вероятно, уже всюю чистил во сне рыла своим обидчикам. Дверь в большую комнату была прикрыта. Толкнув её, Алексей в удивлении узрел порхающие по стенам желтоватые трепетные отсветы, а бормочущие голоса он услышал ещё в прихожей. В воздухе был разлит какой-то странный, кружащий голову запах...

– У вас тут что, чёрная месса, что ли? – озадаченно спросил он. – Привет...

Жена шикнула, остальные поздоровались вполголоса.

В углу виляло жёлтенькое пламя свечи. За выдвинутым в центр комнаты столом сидели Александра, чета художников Чернолептовых и незнакомая Алексею пышная молодая особа, распустившая волосы по плечам. Все четверо, сомнамбулически смежив веки, двигали по обширному листу картона блюдце, касаясь его лишь кончиками пальцев. На картоне верной рукой профессионала начертано было нечто вроде зодиакального круга, только знаков на нём теснилось побольше и погуще. Да и не знаки это были, как вскоре выяснилось, а буквы и цифры.

Колодников мысленно выругался и вновь ушёл в прихожую – разуваться. Ну вот и до спиритизма докатилась... Вернувшись, лег боком на диван и стал наблюдать. Читать он про всякое там столоверчение – читал, и не раз, а вот наблюдать эту полосатую дурь собственными глазами ещё не доводилось...

– Марк Шагал... – сдавленным взволнованным голосом радиста-подпольщика взывал Кирюша Чернолептов. – Марк Шагал... Вызываю дух Марка Шагала... Дух, ответь...

Дух почему-то выйти на связь не пожелал, стали вызывать другого. Этот оказался более общительным – угадал, как кого зовут, сообщил номер дома, предсказал новое повышение цен...

– Дух, дух... – с замиранием позвала Александра. – Если ты знаешь, скажи, кто нападает на людей ночью в арке?..

Колодников скрипнул зубами. Блюдечко, дрожа, поплыло по кругу.

– Пэ... – выдохнула Ириша Чернолептова.

Следующей буквой оказалась «о», затем «л» и наконец «т».

– Полтина! – вскричала Александра. – Я так и знала! Полтина из четвёртого подъезда!..

Дрожащими пальцами она вновь установила блюдце по центру картонки, но на этот раз фарфор пошёл трудно, словно бы преодолевая чьё-то сопротивление. Наконец дух перестал кобениться и указал искомую букву.

– Е!..

– Как «е»? – растерялась Александра. – Почему «е»? Такого и слова-то нет...

– Полтергейст, – презрительно процедил Алексей, и тут в дверь позвонили.

Он встал, колыхнув свечу, и вышел в прихожую. Что это ещё за полночные гости?.. Открыл. На площадке стоял электрик Борька. По сравнению с давешним он был вполне трезв, но явно чем-то пришиблен.

– Слышь, сосед... – искательно начал он и жалобно, по-собачьи наморщил лоб. – Это не ты меня сегодня ущипнул?..

Нет, это просто сумасшедший дом какой-то!

– Нет, – бросил Алексей.

Хотел захлопнуть дверь, но электрик удержал его от бестактного поступка, поставив на порог ногу.

– Точно?..

– Точно, – не разжимая зубов, сказал Алексей и вновь нажал на дверную ручку.

Электрик расстроился, даже обмяк слегка, но ботинка из щели так и не убрал.

– Ну а кто ж тогда? – спросил он в отчаянии. – Ведь ущипнул же кто-то!.. А я, ты понимаешь, не помню... Как просил – помню, а вот кто щипал – хоть убей...

В доказательство он подсучил правый рукав. Действительно, чуть пониже локтевого сгиба красовался небольшой, но смачный синяк. С подвывертом, должно быть, щипали...

Глава 5

Следует заметить, что среди сверстников Димка отличался не только силой, но и суровой мужской красотой. Ничего не попишешь, дитя любви. Некоторые, правда, утверждают, что от любви дети получают ещё и умными, но Алексей утешал себя мыслью, что Димкина туповатость – черта не врождённая, а скорее накачанная вместе с мышцами в тренажёрном зале.

Главным же в данном случае было то, что любящие родители наградили сына ещё и отменным здоровьем. За каких-нибудь несколько дней вспухшая Димкина физиономия пошла на убыль, возвращаясь в прежние, милые родительскому сердцу очертания. Почки и прочие жизненно важные органы, слава богу, кажется, отбиты не были. Идти в поликлинику, равно как и в милицию, Димка полагал ниже своего достоинства, так что лечение свелось в основном к мазям да компрессам.

Но теперь Алексея и Александру всерьёз тревожила мрачная Димкина угроза расправиться с обидчиками самостоятельно. Сын не шутил – у него вообще было плохо с чувством юмора.

Со сдержанным уважением относясь к идее Бога и откровенно скептически – к учреждению, именуемому Церковью, Алексей тем не менее вот уже несколько раз в тоскливом отчаянии обращался тайком к висящей над супружеским ложем обшарпанной иконке Пречистой Богородицы Боголюбской, моля уберечь, а ещё лучше – вразумить раба Божия Димитрия. Уберечь было, видимо, проще, чем вразумить, – и вскоре Димка явился довольный, злорадный и с оббитыми кулаками. О подробностях восстановления справедливости Алексей предпочел даже и не расспрашивать...

Александра же за эти последние дни оттаяла настолько, что дело дошло до возобновления супружеских обязанностей. Правда, теперь приходилось выслушивать все её речи с начала до конца. Детективов она Алексею, благо, больше не предлагала, зато принялась доставать мистикой. И как это в ней уживалось? Ничего себе соседство: Блаватская и Чейз!

Надо полагать, недавний сеанс спиритизма потряс её до глубины души. Теперь Александра была свято уверена, что в арке завёлся некий барабашка с хулиганскими наклонностями к мордобою. К счастью, у Алексея хватило ума не схватиться с супругой ещё и по этому поводу.

– А та девушка, что с вами блюдце двигала... – спросил он однажды. – Она кто?

Александра с подозрением въелась в мужа глазами.

– Девушка... – недовольно повторила она, поджав губы. – Ничего себе девушка! Пять лет как в разводе...

– Да плевать мне на её семейное положение! – сказал Алексей нетерпеливо. – Кто она? Экстрасенс, гадалка?..

– Она очень сильный медиум, – надменно изронила жена.

– Короче, оккультистка и теософка... – кивнул Алексей, пряча ухмылку. – А на жизнь чем зарабатывает?

– Какая разница? – Александра вскинула плечи. – Иришка говорит: школьная подруга...

На этом разговор пришлось прервать. В противном бы случае она немедленно заподозрила мужа в неуважении к медиуму, а то и в попытке выяснить адрес этой разведённой особы.

Милиция Колодникова больше не тревожила. На работе всё шло своим чередом, примечательных событий не наблюдалось. Хотя как-то раз Алексей был озадачен, столкнувшись в дверях кирпичного особнячка с бородатым степенным священником. Батюшка был самый настоящий – в рясе, с наперсным крестом, а в руках держал дипломат.

– Чего это он? – оглянувшись, спросил Алексей у охранника. – Тоже, что ли, вкладчик?

Слоноподобный обрюзгший страж мотнул щеками.

– Фонд освящали, – буркнул он в ответ. – Бухгалтерию, совет директоров, зал...

– А компьютерную? – возмутился Колодников.

Поднялся на второй этаж и позабыл бывшего замполита очередной беззлобной выходкой.

– Ну, интересное дело! – бушевал он. – Как я теперь людям в глаза смотреть буду? Спросят меня: «На какой машине работаешь?» А я им в ответ: «На неосвящённой!..»

Словом, и сам развлёкся, и людей развлёк...

С электриком Борькой вышел ещё один прелюбопытный и таинственный разговор, причём завёл его на этот раз Алексей. После той странной просьбы и полуночного визита Борька вроде бы намертво завязал с выпивкой и ходил теперь по двору сильно хмурый.

– Ну и как? – не утерпев, спросил его Колодников. – Нашёл того, кто тебя ущипнул?

Электрик как-то безнадёжно покосился на Алексея и махнул корявой пятернёй:

– Да нашёл...

– А что так уныло?

Борька вздохнул и, тоскливо сощурясь, оглядел подсыхающий на мартовском солнышке двор: песочницы, стойку для выбивания ковров, мусорные ящики, невытую серую «Волгу» с промятой фарой...

– Человек ты, конечно, хороший... – молвил он ни с того ни с сего. – Только вот с людьми толковать не умеешь... А зря... Ты послушай, послушай, что вокруг говорят-то...

– А что вокруг говорят? – не понял Алексей.

– Та же пацанва, скажем... – пропустив мимо ушей его вопрос, продолжал загадочный электрик. – Они ведь с утра до ночи по двору носятся, всё видят. Мы с тобой не видим, а они видят... Старухи опять же...

– Слушай! – с досадой перебил Алексей. – Борь! Ну что ты опять про старух? Что ты мне старухами-то мозги пудришь? Хочешь предупредить о чём-то? Ну так предупреди!.. Мы ж ведь с тобой, можно сказать, в один переплёт попали! Ты, правда, покруче влетел, но всё равно... Ясно же, что чепуха какая-то с этой аркой. Ну сам считай: ты, я, алкаш тот замёрзший, потом спецназовец, жене моей затрещину выписали, недавно вон сыну морду набили... – Колодников загнул пять пальцев, одного не хватило, и он разжал кулак движением, каким обычно отбрасывают что-то скользкое и неприятное. – Хоть бы намекнул, что ли!..

Пока Алексей произносил эту гневную и в то же время проникновенную тираду, электрик, по обыкновению, опасливо крутил башкой, как бы высматривая, не подслушивает ли кто. Потом облизнул вывороченные губы, а глаза его при этом слегка остекленели. «Опять сейчас в “бендежку” начнёт заывать», – с неудовольствием предположил Колодников, но оказался не прав.

– Ты вот тогда говорил: ворота разварить... – сипло сказал Борька, должно быть, просто забыв, с кем он раньше беседовал насчёт ворот. – А думаешь, их что? Просто так, что ли, заварили?... – Тут он приостановился и пытливо взглянул Алексею в глаза. – Слышь, а ты как? Верующий?

Колодникову уже доводилось отвечать на такой вопрос, и не однажды, но в этот раз уж больно неожиданно он прозвучал.

– Ну, видишь ли, с Богом у меня отношения несколько сложные... – Тут Алексей замялся, усомнившись, стоит ли забираться в столь интимные материи.

– Ну а в чертовщину там всякую?..

– Нет, – решительно сказал Алексей. – Ни в чертовщину, ни в барабашек, ни в экстра-сенсорику!

– Ну вот послушай, – зашептал Борька. – За что покупал – за то продаю... Тут ведь раньше, до войны, чекисты жили, слышал? А потом их всех – того... под ноготь...

– Как же, как же! – сказал Алексей. – История известная...

– Известная? – переспросил Борька и зловеще усмехнулся. – А где их расстреливали, знаешь? Вот то-то! Думаешь, куда-нибудь в степь отвозили?.. Не-а! Здесь и расстреливали, в арке...

– Да не может такого быть! – возмутился Колодников. – Посреди города?..

– Ещё как может... Во время воздушной тревоги, понял? Включили ревун, чтобы выстрелов не слышать, подогнали в арку фургон – и давай выводить по одному... Он-то, слышь, идёт, думает, повезут ещё куда-нибудь, а его к стеночке... Шлёп из маузера в затылок – и в фургон... Всех в одну ночь, так-то вот...

Алексей ошарашенно оглянулся на серый, тоскливый, как зевок, вход в арку. История, конечно, была жутковатая и в чём-то даже вполне правдоподобная, но, будучи прицеплена к недавним событиям, она явно обретала черты анекдота.

– погоди! – нервно засмеявшись, сказал он. – Ты к чему клонишь? Что это нам привидения чекистов рыло чистили? Именем революции?.. За измену идее?..

Тут Алексей вспомнил вдруг, что арка в ту ночь и впрямь показалась ему пустой, что удары сыпались на него вроде бы из воздуха, – и умолк в тревожном недоумении.

– Слышь, сосед... – побряхтев, молвил электрик. – Ты мне, понятно, не веришь... А вот чуёт моё сердце: такое у нас скоро в доме начнётся!.. Не приведи господь... Причём не сегодня – так завтра, учти...

Повернулся и двинулся вразвалку к своей «бендежке». Алексей посмотрел ему вслед, ещё раз подивился странным речам и, пожав плечами, пошёл себе дальше.

А буквально на следующий день и впрямь началось...

* * *

Смутное беспокойство Колодников ощутил сразу же, стоило ему ступить на плоское крыльцо подъезда. Уже то, что сидящие рядом старухи не удостоили Алексея обычным неприязненным взглядом, заставило его тревожно и пристально оглядеть двор. В той арке, что вот уже без малого двадцать лет смотрела сквозь железное кружево решётки на широкий проспект, метались отсветы электросварки и слышались характерные звуки, напоминающие треск сырого белья на ветру. Ну наконец-то! Разваривали ворота... Событие, конечно, долгожданное и знаменательное, однако взгляды старух были обращены совсем в другую сторону. У входа в противоположную, печальную известную арку полукругом теснился народ.

– Что случилось? – испуганно спросил Колодников, вмешавшись в толпу.

На него диковато посмотрели – и отвернулись вновь.

– Полтину замочило... – пискнула откуда-то из-под ног бойкая девчушка – с ярким рюкзаком на спине. Глаза у неё от восторга и ужаса были круглыми, как у мышки.

На кроху шикнули. Алексей протолкался вперёд. На пустом подсохшем асфальте возле самого выхода из арки он увидел меловой очерк простёртого человеческого тела. Поискал глазами кого-нибудь в милицейской форме – и не нашёл. Под серым потрескавшимся сводом стояли и угрюмо смотрели на чёрные кляксы, разбросанные как внутри, так и вне мелового контура, трое рослых мордастых парней в кожаных куртках. Надо полагать, телохранители, не уберёгшие своего хозяина.

«Как же я теперь выйду?» – растерянно подумал Алексей.

Попробовал пробраться вдоль стеночки, но был приморожен взглядом одного из верзил.

– Мне на работу, – объяснил Алексей. – У меня смена с четырёх...

– Ворота вон разварят – выйдешь... – процедил тот.

– Да опаздываю я... – соврал зачем-то Колодников.

Верзила помолчал, отворотясь, потом, судя по движению щеки, дёрнул ртом и наконец кивнул в сторону переулка: иди, мол, только быстреей.

Алексей выпорхнул наружу и чуть ли не до самой троллейбусной остановки чувствовал себя храбрецом...

В скверике лаял мегафон и колыхались красные флаги. Там возле столика с каким-то, надо полагать, воззванием толклись и перетаптывались немногочисленные граждане обоего пола, не слишком-то отличающиеся по возрасту от старух, ежедневно украшавших собой скамейку перед подъездом Алексея. Кое-где на пыльном чёрном костюме запеклись орденские планки, а то и сам орден. Оттаяли, митингуют... Странно... Коммунисты на прошлых выборах победили и в области, и в городе – какого же им лешего ещё надо?..

Но Полтина-то, а? Даже он не уберётся... Чёрные пятна на асфальте располагались, как запомнилось Алексею, обильно и несколько вразброс. Должно быть, стреляли несколько раз... В память впечатался неряшливый след поскользнувшегося в неподсохшей крови мелка. Вот тебе и квартира в двух уровнях, вот тебе и охрана в прихожей, и «мерседес» у подъезда! Нет, ну его к чёрту, это богатство, – уж лучше огрести невзначай пару оплеух в ночной арке, чем вот так...

Троллейбус не спешил, и Колодникову пришло в голову, что все прискорбные случаи с жильцами дома и впрямь подвержены некой странной закономерности. Видимо, на парадоксальную эту мысль его натолкнули престарелые митингующие в скверике и недавние намёки электрика Борьки. Свят-свят-свят! Да уж не коммунистическое ли подполье орудует в арке после ноля часов? С позволения администрации... Колодниковы-старшие (оба бессребреники) практически отделались испугом. Димка уже подвергся крепкому внушению – за связь с бизнесом и частным капиталом. А Полтину просто изрешетили в упор, как эксплуататора неимущих слоёв...

Хотя непонятно, чем в таком случае им насолили замёрзший алкаш и застреленный офицер спецназа... А заодно и владелец серой «Волги»... Хотя Димка сказал: калымил Костик...

Но тут наконец подошёл троллейбус с размазанными изнутри по стёклам пассажирами, и забавную эту мысль Алексей решил развить уже на работе.

* * *

К удивлению Колодникова, оказалось, что убиенный в арке Полтина был хорошо известен всем сотрудникам инвестиционного фонда: от бухгалтерши до машинистки. Охранников же и директоров весть о его гибели просто потрясла.

– Так ты с ним, выходит, в одном доме жил? – моргая, переспросил бывший замполит полка. – Слушай, а ведь это очень серьёзно... Это, считай, все группировки города на ушах будут! Пока не найдут тех, кто его заказал, не успокоятся ведь... Тьфу, как некстати!

Последней его фразы Алексей по наивности своей не понял. Ему ещё сложно было уразуметь, каким образом убийство крупного теневика может отразиться на работе пусть жульнического, но вполне солидного, а главное – легального учреждения...

Комсомолец-книголюб Андрей, непривычно бледный, тут же с кем-то созвонился и узнал подробности.

– В первом часу ночи, – сообщил он, положив трубку. – Отпустил машину возле арки, решил пройти через двор пешком. В арке его и встретили...

– Там же, где и меня, короче... – сдавленно сказал Алексей, и на него посмотрели несколько даже очумело. Ну ты, дескать, мужик, сравнил!

Фонд гудел. Новость вышибла из колеи всех. Пожалуй, только два унылых труженика за решётчатой дверью, не обращая ни малейшего внимания на общую суматоху, продолжали тыкать в кнопки и бубнить вплоть до шести часов.

Всё оказалось настолько серьёзно, что Алексей так и не рискнул выдать в порядке хохмы свою версию, что-де убийство совершено пенсионерами-коммунистами. Тут, понимаешь, беда, а он со своими шуточками! Вот спадёт паника – тогда ещё куда ни шло...

Естественно, что, возвращаясь домой в двенадцатом часу, Алексей по врождённой рассеянности попёрся через переулок, начисто забыв о возникшей ещё утром возможности проникнуть во двор со стороны проспекта. Вспомнил он об этом, уже одолев полпути до арки – и то лишь заметив, что бьющийся вдалеке желток светофора растекается в лаковых изгибах капотов и крыльев. У бровки, съев добрую половину проезжей части, выстроились на выщербленном асфальте штук пять траурно-тёмных машин несомненно иностранного происхождения.

Сердце ёкнуло, Колодников остановился. Затем приблизился медленно к проёму – и остолбенел.

В арке колебалось пламя свечей и приглушённо звучал Шопен. Очерченный мелом контур лежащего тела был выложен дорогими цветами. Розами в основном и орхидеями. В нише мигал огоньками плеер, теплились свечи. Под облупившимся сводом арки неподвижно сидели на корточках несколько человек в строгих чёрных костюмах. Здесь же на асфальте стояла, как на цыпочках, бутылка изысканной формы и мерцала пара узких рюмок. На глазах Алексея в скорбном молчании один из сидящих поднялся, налил себе полрюмки и, выпив, вновь мрачно присел на корточки.

От правого ближнего угла арки беззвучно отломилась глыбастая тень и качнулась к Колодникову.

– Куда? – недружелюбно спросили его.

Масляный отсвет пробежал по складкам кожаной куртки и по выбритой до глянца одуловатой щеке.

– Домой... – растерянно сказал Алексей.

– Обойди... – равнодушно прозвучало в ответ, и мордovorот вновь ушёл в стену.

На этот раз упрямитесь Колодников не стал. Не стал он и прикидываться, будто не знает, что арка, соединяющая двор с проспектом, уже раскрыта. Во-первых, время – тёмное, братва – сердитая, а во-вторых, кто бы сейчас оценил его геройство? Позабылись все, должно быть, по квартирам, нос бояться высунуть... А уж милиция, наверное, этот дом теперь за квартал обходит...

Один из сидящих в арке медленно повернул голову:

– Стой... Иди сюда...

«Ну вот... – просквозила обречённая, беспомощная мысль. – Нарвался... Так тебе и надо, придурок...»

Жертвенно ослабев, Колодников приблизился к выложенному цветами меловому очерку и застыл – весь внимание и трепет.

– Выпей... – угрюмо велел подозвавший, не глядя на Алексея. – Помяни...

Шевельнул желваками, плеснул в рюмку и, так же не глядя, сунул её Колодникову. Господи, да мальчишка же совсем, чуть старше Димки...

– Спят... – с болью молвил подозвавший. – Нюготка его не стоят, а спят... Такой человек ушёл...

Скрипнул зубами – и умолк. Алексей левой рукой (в правой была рюмка) стянул с головы лыжную шапочку, чудом не прихватив очки.

– Царствие тебе небесное, – сдавленно обратился он к меловому контуру, причём настолько прочувствованно, что на глаза и впрямь чуть было не навернулись слёзы. Выпил, не ощутив вкуса, бережно поставил рюмку рядом с бутылкой и, отступив на шаг, широко, истово перекрестился. Тихие аккорды Шопена расходились волнами по гулкой ночной арке.

«Досчитаю до трёх... – с замиранием мыслил Алексей. – И тихонечко, тихонечко отсюда... приставными шажками... Лишь бы отпустили...»

- Здесь живёшь?
- Здесь...
- Знал его?
- Ну, как?.. Встречались... здоровались... – неуверенно приврал Алексей.
- А работаешь кем? – с проблеском интереса спросил тот, что предложил выпить.
- Да я... с компьютерами...
- Спросивший горестно покивал.
- Не поймёшь... – изронил он с сожалением. – Иди... Нет, не там... Там иди...

Там, не там – какая разница?.. Вновь оказавшийся в переулке Колодников опомнился, лишь удалившись от арки шагов на двадцать. Вздувался и опадал желток светофора. Не решаясь оглянуться на кавалькаду иномарок, Алексей обогнул угол дома.

«И все незнакомые... – испуганно мыслил он. – Значит, сменяются: одни посидели, помянули – ушли... Потом – другие... Наверняка ведь поклялись: пока не отомстят – так и будут сидеть в арке... Потому и ворота разварили... Господи, неужели и Димка через пару лет станет таким же?..»

Сердце болезненно сжалось, но лишь на секунду. Неприятная мысль извернулась, похорошела и показалась вдруг весьма соблазнительной. Допустим, стал Димка крутым... И вот идёт это Колодников через арку, а там сидят... Ну, в общем, те же самые и сидят... Поминают Полтину... Дальше всё – как было. «Здесь живёшь?» – «Здесь...» – «А фамилия твоя как?» – «Колодников...» Пауза. Крепкие стриженные головы медленно начинают поворачиваться. «А Димка тебе – кто?..» Нет, не Димка... Как-нибудь там – Диман... Да, Диман... «А Диман тебе – кто?..» – «Сын...» И все поспешно встают...

Но тут сбитые с резкости зрачки Алексея вмиг подобрались, и он остановился, облившись потом. В каких-нибудь двух шагах перед ним прорисовалось в полумраке железное кружево полуотпахнутых ворот. Оказывается, их разварили не в одной арке, а во всех четырёх. И створки даже снимать не стали – просто разъяли по стыку и приотворили наружу... Надо же, чуть очками не вписался!..

Хм... Идти до проспекта или же свернуть прямо сейчас? Если до проспекта, то можно будет проскользнуть вдоль стеночки, подалее от поминающих. А если прямо сейчас, то придётся пересекать двор у них на виду... Колодников с сомнением взгляделся в густой полумрак арки.

Асфальтированное дно каменной норы, ставшей сквозной лишь сегодня, было устелено слежавшимся влажным слоем мусора, в котором за день уже успели протоптать тропинку. Тянуло гнилью. Ладно, рискнём...

Пройдя мусорной стёжкой, Алексей заметил, что со стороны проспекта во двор скользнула серая тень. Ещё один припоздавший. И направляется напрямик к третьему подъезду. Да уж не Димка ли это? Колодников всмотрелся. Ну точно, Димка... Его спина... Что ж, умён. В старую арку даже и не сунулся... Вот тебе и крутой!

Окликнуть сына Алексей по известным причинам не решился. Ускорить шаг – тоже. Когда он – по возможности бесшумно – достиг середины двора, Димка (Всё верно – Димка!) взбежал на крылечко и пропал за дверью. Слева скорбно вздыхал Шопен. Поравнявшись с аркой, Колодников вновь уловил краем глаза желтизну свечей. Краем глаза – и только. Головы в сторону зловещей тризны он повернуть не дерзнул, а коситься украдкой счёл унизительным.

А когда уже подходил к крыльцу, сзади сквозь траурную тихую музыку послышался тоже негромкий, но вполне явственный шум. То ли захрипел кто-то, то ли зарыдал. Что-то разбилось, что-то звякнуло...

Алексей вздрогнул и обернулся. Из чёрного зева арки выкатилась длинная бутылка изысканной формы. В масляном отсвете жирно блеснула обильная золотым тиснением этикетка.

Ну что за сволочи! Нет чтобы как люди: допить и тихо поставить у стеночки!.. Зла не хватает! Взять бы пулемёт – и прицельно, короткими очередями каждого... Или как тех чекистов... Врубить ревун, подогнать фургон – и выводить по одному!.. Рылом в стену – и из маузера в затылок!.. Алексей Колодников почувствовал зуд в указательном пальце правой руки и, стиснув зубы, круто повернулся к крыльцу...

Глава 6

Как было уже сказано, Александра Дмитриевна Колодникова причёской и личиком сильно напоминала (особенно в минуты неистовства) Нестора Ивановича Махно. Именно в такую минуту и угодил, без сомнения, Колодников, отперев входную дверь своей просторной, волею случая обретенной квартиры. Разъярённая супруга встретила Алексея в передней. Сам легендарный батяка выглядел так всего один раз – при печально известном штурме станции Блюменталь...

– Явился? – процедила она, сверкая глазами.

Нервы у Алексея были на взводе, а тут ещё в памяти возник, как на грех, давешний пожилой покойник со сложенными на груди желтоватыми пухлыми руками.

– Да?.. – заорал в ответ Колодников, чувствуя, как тяжелеет от прихлынувшей крови лицо. – А из морга ты ещё меня не забирала? Скажи спасибо, что вообще живой пришёл!..

Судя по тому, что супруга так и отпрянула, Колодников был страшен.

– Дима! – взвизгнула она, и Алексей поспешил взять себя в руки.

С видом оскорблённого достоинства он расстегнул куртку и снял шапочку. Александра ударилась в слёзы.

В Димкиной комнате что-то грохнуло, скрипнуло, затем дверь приоткрылась.

– Чего орёте? – мрачно осведомилось дитя любви.

При взгляде на него у Алексея чуть не выпала куртка из рук. Оплывшая Димкина физиономия вновь сияла глянец свежих кровоподтёков. Этюд в багровых тонах. К левой, надо понимать, рассечённой брови сын прижимал влажный марлевый тампон с кровавым пятном. Запахло одеколоном.

– Дома не бываешь!.. – рыдала Александра. – А с ним, смотри, что опять сделали!..

– Ты же с проспекта шёл... – в недоумении выговорил Алексей.

Правый, не прикрытый тампоном глаз уставился на Алексея с недоверием и, как тому показалось, со страхом.

– Откуда знаешь?..

– Да я как раз из другой арки во двор входил...

– Дай промочу!.. – взмолилась со всхлипом Александра. – Ну что ж ты одеколоном? Это перекистью надо...

– Да погоди ты, ма! – Димка досадливо мотнул головой, тут же сморщился от боли и снова повернулся к отцу. – Из какой арки? Из старой? Там же сейчас Скуржавый с пацанами!.. Полтину поминают...

– Да знаю... – недовольно отозвался Алексей и повесил наконец куртку. – Я там тоже посидел с ними, помянул...

От изумления Димка даже тампон от брови отнял. Ох, глубоко рассекли... Шрам будет... Хорошо хоть губы на этот раз уберёт – почти не шепелявит...

– Со Скуржавым?..

– Шёл мимо, окликнули... – пояснил Алексей. – Выпил с ними рюмку за упокой... Потом смотрю: народу в арке много, напрямую идти неловко... Решил обойти...

– Ах, ты с ними ещё и пил?.. – взвилась Александра. – Они сына твоего изувечили, а ты с ними...

– Мать!.. – проскрежетал Димка – и Александра умолкла.

Алексей, гримасничая от сочувствия, рассматривал Димкины повреждения.

– Что... и в той арке тоже кто-то поминал? – упавшим голосом спросил он.

Сын в ответ лишь коротко вздохнул. Алексей растерялся окончательно. Он мог поклясться, что в каменной норе, выходящей на проспект, никого не было.

– Но ты их хоть... видел? – Последнее слово Колодников произнёс чуть ли не шёпотом. Вспомнились вновь двусмысленные и зловещие Борькины байки, пустая гулкая арка и брюзгливый голос оперуполномоченного: «Сквозь очки вас ударили, получается...»

– Никого я не видел...

– Как не видел? Проспект же! Светлым-светло!..

– А так! Не видел – и всё! – огрызнулся Димка и затравленно взглянул на отца неповреждённым глазом.

* * *

Угомонились лишь во втором часу. А ближе к двум раздался настойчивый звонок в дверь. Алексей выругался шёпотом, вылез из-под одеяла и пошёл открывать. «Если опять Борька – придушу...» – мрачно подумал он, нажав выключатель в прихожей.

– Кто там?..

– Алексей Петрович Колодников здесь проживает?

– А в чём дело?

– Так проживает или нет?

– Да, – злобно сказал Алексей. – Проживает. Это я...

– Вы сегодня во сколько с работы вернулись?

– А в чём дело?

– Я из милиции, – проникновенно произнесли за дверью. – Вот удостоверение... Да вы взгляните в глазок...

Колодников заглянул в дверной глазок. В желтоватом пузыре линзы плавала мать. Напрягши зрение (и воображение в придачу), Алексей в конце концов признал в причудливой тени руку с развёрнутой книжечкой. Оглянулся на обе прикрытые двери. Александра приняла снотворное и, надо полагать, уже спала без задних ног, а Димка если и слышал препирательства в прихожей, то, скорее всего, затаился от греха подальше.

– А в чём дело?

– Да вы откройте сначала...

– А вы знаете вообще, который час?..

– Да вы откройте...

Колодников сломался и открыл. На лестничной площадке стоял некто в штатском. Жестом, каким обычно матери подносят чумазому отпрыску зеркальце («Посмотри, на кого ты похож!»), он сунул в лицо Алексею удостоверение.

– А в чём дело? – в сотый уже, наверное, раз повторил Колодников.

– Вы каким путём с работы возвращались? Через переулок?

– Да...

– А не заметили: в арке кто-нибудь был?

– Да... Сидели пили...

– Вам придётся пройти со мной в качестве понятого...

– Какого?.. – недослышав, ужаснулся Алексей.

– Пятого...

«Ага... – сообразил Колодников. – Значит, с Димкой это в любом случае не связано...

Странно... Драка-то в новой арке была, а не в старой...»

– А почему я?

– Ну... во-первых, видели вы их... Потом, на вас же вон на самого недавно напали... в это же время...

– Откуда вы знаете? – вскинулся Алексей, как-то сразу не подумав о том, что уголовными делами района занимаются всего несколько сотрудников и секретов друг от друга, как правило, не держат.

– Да знаем... – уклончиво отозвался ночной гость. – Вы бы оделись...

С остервенением облачась, Алексей натянул шапчонку, сунул ключи в карман куртки и последовал за сотрудником. Жизнь его определённо меняла жанр. В который раз. До тридцати пяти – шёл серенький соцреализм, потом несколько лет разнузданной фантастики, а теперь вот чистый уголовный роман... Надо же, ещё и в понятия угодил... Значит, стряслось что-то.

– А что случилось? – спросил Колодников в широкую плотную спину сотрудника милиции.

– Да происшествие... – нехотя отозвался тот.

Спасибо, объяснил... Сразу всё стало понятно. С кем же происшествие-то? С самим... этим, как его?.. Скуржавым? Так его, кажется, Димка назвал?.. Или ещё какого-нибудь другого прохожего в арку затащили?.. Вспомнилась, кстати, и рюмка, истово опрокинутая за упокой души усопшего Полтины, и стало Алексею нехорошо. Говорить об этом ментам или не говорить?..

Они выбрались во двор и двинулись к месту неведомого пока происшествия. Под ногами ничего не хрустело и не хлюпало, март был на излёте, влагу подобрало, весенние дожди только подкрадывались к городу. Так что приглушённые голоса Алексей различил ещё издали, причём бормотали они что-то страшное.

– Кровищи-то, кровищи... – озабоченно приговаривал кто-то, вроде бы даже и не совсем трезвый. Потом вдруг спросил жалобно: – Ну вы точно сами справитесь?..

– Да справимся, Сергей Прокофьевич, справимся... – ворчливо отвечали ему. – Возвращайтесь и празднуйте дальше...

Сердце у Колодникова от этих жутких слов оборвалось. А тут ещё что-то подвернулось под ноги и с грохотом отлетело, крутясь, по асфальту. Пустая бутылка. Та самая...

Алексей уже был готов ко всему – к самому худшему. И всё же, когда в ноздри ударило запахом мясного ряда, когда луч карманного фонарика вынул из темноты нечто раскромсанное до такой степени, что Колодников даже не смог сразу опознать в этом человеческое тело...

Алексей попятился, глыкнул утробно, потом схватился обеими руками за горло, словно собираясь сам себя придушить, и наконец метнулся, спотыкаясь, к стойке для выколачивания ковров, где его и вывернуло несколько раз жесточайшим образом.

– Слаб народ... – с неудовольствием наблюдая за ним, молвил милиционер, пригласивший Колодникова в понятия.

* * *

– Па! Ну ты чего, па?..

Алексей вырвался из кошмара и, широко раскрыв глаза, уставился на сына. Возникшая на мгновение надежда, что визит мента в штатском и весь последующий ужас сегодняшней ночи тоже привиделись ему в дурном сне, исчезла бесследно при одном только взгляде на оплывшую и залатанную пластырем Димкину физиономию... Хотя, конечно, кровавая расправа в переулке и мордобой на проспекте по идее никак друг с другом связаны не были – разве что совпали по времени...

– Я что... кричал?..

– Угу...

– А который час?

– Двенадцать скоро...

Алексей приподнялся на смятой подушке и со стоном взялся за правый висок. Голова разламывалась. Нашарил на полке анальгин, морщась, вылушил из фольги таблетку, разжевал...

– А мама где?..

Димка повёл плечом.

– Собрание у них...

– У кого?

– У жильцов. Насчёт вчерашнего митингуют... Додумались: хотят весь дом на охрану поставить... Может, воды принести – запить?..

– Да нет... – собравшись с силами, сказал Алексей. – Сейчас встану...

– Я там чай заварил... – сообщил Димка. – Ты как?

Сынуля был необычно предупредителен. То ли родитель и впрямь встревожил его своим криком, то ли Димке просто не терпелось разузнать поподробнее о том, что случилось в арке...

– Сосиски ещё есть...

Колодников содрогнулся. К горлу снова подступил ком жёлчи но, слава богу, поколебавшись, укатился по пищеводу обратно в желудок...

– Нет, спасибо, – сипло ответил Алексей. – Я так, глядишь, скоро вегетарианцем стану...

Впервые за долгое время чай они пили на кухне вместе.

– Ну ладно... – с надрывом говорил Колодников. – Сволочи они, рэкетеры, убийцы...

Но я же их только что перед этим живыми видел! Только что, понимаешь?..

– Ты с ними, в натуре, вмазал?

– В том-то и дело!..

– А ментам сказал?

– Нет...

– Ну и правильно...

Ссутулившись над стаканом, Алексей с остановившимся взглядом размешивал и размешивал ложечкой чай, хотя сахар давным-давно уже растворился.

– Бойня... – сдавленно сказал он. – Самая настоящая бойня... Хуже, чем в Чикаго, наверное... Там гангстеры хотя бы просто из автоматов друг друга дырявили! А тут... Ножевые ранения, пулевые... Под одним, должно быть, гранату взорвали – в клочья разнесло, по всей арке... Какая-то извращённая жестокость, понимаешь? Нечеловеческая...

– Гранату?.. – недоверчиво переспросил Димка. – Да ну, не может быть!..

– Может... – Дрогнувшей рукой Алексей отложил чайную ложку, поднёс стакан к губам, но так и не отхлебнул – расплескав, поставил на стол. Во рту сладковато горчило от анальгина, тупо бьющая в затылок боль шла на убыль, и всё же каждое слово ещё давалось Колодникову с трудом.

– Ты прикинь, как должно было грохнуть, – озадаченно сказал Димка. – Это ж не петарда. Граната... Слушай, а тебя-то чего в понятия загребли? Третий подъезд, второй этаж... Там же рядом народу полно!..

Алексей невесело усмехнулся – одним ртом, чтобы резким движением не растревожить ноющую голову.

– Так умные же все! – бросил он с досадой. – Никто даже дверь не отворил... Два дурака нашлось на весь двор: я да ещё один из первого подъезда... Тоже недавно въехал...

– А он слышал?

– Взрыв? Нет, не слышал... Спал, говорит. Да врёт, наверное!.. Ну как это может быть? Внизу в двух шагах палят вовсю, гранату подорвали – не проснулся! А на звонок открыл...

– А может, и не врёт...

Что-то в Димкином голосе показалось Колодникову странным. Он всмотрелся повнимательней в распухшую физиономию сына, и тот смущённо отвёл глаза. Нет, в прошлый раз

Димка, помнится, вёл себя куда естественней. Рычал, злобствовал, грозил расправиться с обидчиками... Теперь же он был какой-то пришибленный, утративший обычную свою самоуверенность. Может быть, даже слегка испуганный...

Кстати, такое впечатление, что нынешней ночью Димку в арке подстерегли уже не любители, но профессионалы высокого класса. Ударов было нанесено – всего ничего, зато каждый из них мог послужить причиной серьёзного увечья. Сам Колодников от одного такого удара улетел бы в нокаут... Ох, отчаянные, должно быть, ребята! Тут в двух шагах Скуржавый Полтину поминает, а им – ноль внимания. Напали, отлупили чуть ли не на виду...

– А менты что говорят? – спросил Димка, медленно облизнув губы и по-прежнему не поднимая глаз.

– Да у них, как я понял, тоже крыши поехали... – нехотя отозвался Колодников. – Ну что взрыва никто не слышал – ладно... Осколков не нашли! Понимаешь? Ни гильз, ни осколков – ничего! А самое главное: у одного из этих... ну, из тех, что поминали... голова отрезана! Напрочь!.. При мне с асфальта подбирали... А волосы короткие, не ухватишь... Ногой в пакет закатали... Представляешь? Ногой... – Алексей выпрямился и несколько секунд тупо смотрел в никуда, борясь с бунтующим пищеводом. Потом тошнота отступила, но хуже всякой тошноты было сознание невозможности, невероятности того, что случилось ночью...

– Ведь что получается... – решившись, медленно проговорил Алексей. – Всех насмерть, а один ещё какое-то время жил... Бился, катался... Ну, видно было, как он там корчился... И зацепил бутылку – уже в агонии...

– И... чего? – тоже понизив голос, спросил Димка.

Колодников встал и подошёл к кухонному окну. Продравший его озноб был настолько силен, что начался даже не со спины, а с затылка. Алексей взялся за голову, вонзив ногти в кожу.

– А того... – проговорил он сквозь зубы. – Бутылка-то при мне из арки выкатилась... При мне, понимаешь?.. Я уже к парадному к своему подходил – и вдруг слышу: вроде захрипел кто-то... А потом бутылка...

Он обернулся. Не залепленный пластырем глаз Димки смотрел на него чуть ли не с ужасом.

– То есть выпил я с ними... – малость переведя дыхание, продолжал с содроганием Колодников. – Дошёл до угла, свернул... И в этот самый миг, получается, всё и началось!.. А задержишься я на минуту...

Алексей запнулся, испытав то странное ощущение, когда, закурив, бросаешь горелую спичку в угол, а она застывает в воздухе, не долетев до стены, и отказываешься верить глазам. Так не бывает! И лишь потом с облегчением замечаешь, что спичка попала в паутину...

Так не бывает! Не было ни грохота взрыва, ни автоматных очередей, ни криков, ни шума схватки... Был только гулкий двор, траурные тихие вздохи плеера, желтизна свечей... Он прошёл мимо и даже не повернул головы. А в это время в арке, получается, в живых оставался всего один человек – тот, что зацепил потом в агонии бутылку...

– Ментам... – просипел Димка. – Ментам ты об этом сказал?..

– Нет, – бросил Алексей.

Широкие плечи сына расслабились.

– Слава богу...

* * *

Анальгин подействовал, но голова всё ещё оставалась тяжёлой, и Колодников решил, что поток свежего воздуха ему просто необходим. Вязаную шапочку он даже надевать не стал – сунул в карман куртки. Ступив на крыльцо, Колодников сразу же увидел изливающуюся из

четвёртого подъезда толпу. Значит, собрание кончилось. А здоровый, должно быть, актовый зал в домоуправлении – выходят и выходят... Вроде не воскресенье, не суббота, а смотри, сколько народу!..

Надо полагать, ни до чего хорошего жильцы на собрании так и не договорились. По квартирам разползтись не спешили, сбивались в группы и яростно продолжали что-то обсуждать. В центре одного такого скопления неистовствовала Александра. Алексей неспешно сошёл с крыльца.

– Стрелять! Стрелять, как бешеных собак!.. – надсаживался поблизости дребезжащий старческий голосок. – Это же не люди, это, я не знаю... Звери какие-то!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.